

Екатерина ЧЁТКИНА

ИГРЫ СУДЬБЫ

Сборник фантастики

@ЭЛИТА

16+

Екатерина Четкина Игры судьбы (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8883410

Аннотация

В сборник «Игры судьбы» талантливой уральской писательницы Чёткиной Екатерины вошли двадцать два рассказа, написанных в жанрах научной и социальной фантастики, а также мистики и фэнтези. Калейдоскоп из картин будущего, чужих миров и судеб. Целая гамма чувств и идей. Каждый рассказ – эта история чьей-то жизни, человеческих страхов и надежд, выбора и последствий, любви и ненависти. Какое оно прекрасное далёко и всем ли там рады? Всегда ли технологии идут во благо? О чём мечтают наши потомки? Какие они, эти пришельцы? Неужели дом можно вырастить с помощью души, а целую планету купить за недвижимость на Земле? Ответы на многие вопросы вы найдёте на страницах данной книги. Вперёд в будущее!

Содержание

Счастье человеческое	5
Жестокое благо	11
Друг человека	17
Специалист нового мира	25
Семья	31
Последний бунт	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Екатерина Чёткина

Игры судьбы

© ЭИ «@элита» 2014

* * *

Счастье человеческое

Я сидел вместе с другом на лавке во дворе и думал. Мысли были невесёлые настолько, что от них не спасали ни отличный летний вечер, ни компания лучшего друга, ни выпитое количество спиртного.

– Слышь, а ты правда туда ходил? – спросил Вован.

Я грустно посмотрел на друга и кивнул.

– И что? – продолжал расспрашивать он.

– Отвяжись, – огрызнулся я.

От его вопроса, казалось, даже пиво стало горчить.

– Серый, может, всё наладится?

– Что? – с болью переспросил я. – Маринка бьётся в истериках каждый день. Нет больше сил смотреть на это. Она на грани самоубийства, а этим чиновникам по фигу. Мы обиваем их пороги пятый год, но всё безрезультатно. Видите ли, у них без нас хватает кандидатов... Пришлось наведаться и туда, – глухо закончил я, вспоминая помпезное здание из зеркальных витражей.

– А как там? – тихо спросил он.

– Обыкновенное здание. Привидения не летают, – едко ответил я. – Вова, туда идут своими ногами, кто ради денег, кто за привилегиями, кто ради здоровья близких, а кто из-за любви. – Я тяжело вздохнул. – Давай не будем об этом, а?

Он вроде согласился и замолчал. Некоторое время мы сидели в тишине и думали о своём, а потом Вован не выдержал и сказал:

– Знаешь Оксанку? Ну, ту белобрысую дылду из параллельной группы?

Я кивнул.

– Так она тоже туда сходила... Не на разведку, как ты, а совсем.

По спине пробежал холодок, и я глухо сказал:

– Давай помянём.

– Давай, – согласился он.

Мы налили полные пластиковые стаканчики водки и выпили залпом.

– Серый, а ты настолько любишь Маринку, чтобы...

– Да! – резко ответил я. – Вован, пойми, это не прихоть, – продолжил я спокойнее. – Всё, что сейчас творится в мире, противоестественно... Неужели тебе нравится, что каждый жизненный этап под контролем, что при рождении детям вживляют чипы?

– С ними удобнее.

– Удобнее? Возможно... Но исчезает даже видимость свободы, выбора.

– И что? Я вот живу и не заморачиваюсь... Всё прекрасно! У меня нет ни малейшего желания жить, как наши предки. Что там хорошего? Куча всяких сложностей: несколько видов паспортов, дипломы, свидетельства о рождении, бумажки на собственность, различные банковские карты, электронные кошельки, и т. д., и т. п. Теперь всё иначе. Просто и удобно. Преступность сейчас на минимуме, а раньше... Помнишь истории своей бабки?

– Не в этом дело...

– В этом! – твёрдо заявил он. – У каждого времени есть заморочки, главное, не раскидать и не лезть в герои.

Спорить не хотелось. Был бы он в моём положении, завыл по-другому.

– Ладно, мне пора домой. Пока! – сказал я, и нетвёрдой походкой отправился в сторону одной из панельных свечек, в которых располагались малобюджетки.

– Пока! – раздалось мне вслед.

Странно, но раньше казалось, что Вован меня понимает как никто другой. Иллюзия. Весь этот чёртов мир...

– Привет! – тихо сказал я Маринке, открывшей дверь, и опустил глаза.

– Привет! – еле слышно отозвалась она.

Она всё поняла без слов. Прерывисто вздохнула и ушла в спальню. Я знал, что она плачет. Горько, безнадежно. Я понимал, что должен что-то сделать... Она лежала на кровати, уткнувшись в подушку, а плечи вздрагивали от рыданий.

– Марин, – позвал я её и прилёг рядом. – Я всё решил.

Она удивлённо подняла голову и пристально посмотрела в глаза:

– Серёжа, о чём ты?

– Я заключу договор с центром донорства, – спокойно ответил я.

Её глаза расширились от ужаса.

– Нет! Слышишь? Нет! – закричала она. – Это не выход! – Она заметалась по комнате. – Ни тебя, ни ребёнка, зачем мне такая жизнь?!

– Ребёнок будет. Я сегодня всё узнал: если пожертвую тело, то нам дадут разрешение на зачатие.

Марина пустилась без сил на краешек кровати и еле слышно пробормотала:

– Без тебя он мне не нужен.

Я обнял её за плечи и задумался:

«Боже, что мне делать? Почему нам не повезло родиться богатыми или умными? В наше время обычным быть страшно. Мы никому не нужны, у нас нет будущего. Империя не заинтересована в детях от неперспективных членов общества. Они хотят лучших, а как таким стать? Никак. Замкнутый круг. Мы оба вкалываем на работе как проклятые, лезем вверх по карьерной лестнице, но ещё далеки от галочки в графе «разрешить». Может, есть другой выход? Какая-нибудь лазейка? Нет. Иначе бы по всему миру не вспыхивали беспорядки, не шагали толпы живых трупов с договором центра донорства. Неужели там, наверху, не видят, что это тупик? Крах. Хотя... Они благодаря нашему горю получают тонну здоровых органов, почти бессмертие».

– Пойдём, поедим, – сказала Марина.

Я согласно кивнул. Аппетита не было, но расстраивать жену не хотелось. Она всегда старалась меня порадовать и удивить.

«Интересно, какой у нас будет малыш? Девочка или мальчик?» – подумал я и улыбнулся собственным мыслям. Кто бы раньше сказал, что буду в сорок лет таким чувствительным, дал бы в морду.

– Я тебя люблю! – сказал я, заходя в нашу крохотную кухню.

– И я тебя! – улыбнулась она. – Серёж, очень прошу, выбрось ты свою затею из головы.

– Ты же хочешь этого больше, чем я.

– Но не такой ценой... Справлюсь. Переживу. Заткнутся же когда-нибудь эти биологические часы, – пошутила она с кривой улыбкой.

– Блин, как я хочу вытащить этот чип! Тогда бы они нас не нашли и ничего не сделали.

Она рассмеялась:

– Фантазёр! Ты прекрасно знаешь, что сделать это самому нереально, можно зацепить спинной мозг. Во-вторых, вдруг в нас уже новые чипы, те, которые био? В-третьих, без него мы абсолютные нули.

– Уйдём в лес, будем жить, как далёкие предки, – я говорил шутливым тоном, но серьёзности такой перспективы не отметал. Почему бы и нет?

«А что ты умеешь? – встрял внутренний голос. – Строить дом? Ловить и убивать добычу? Выращивать овощи? Что? Молчишь, а я отвечу. Ничего ты не умеешь!». Тяжело с

ним соглашаться, но факт. Мы полипы породившей нас цивилизации. Мы сами себя загнали в угол, так что пенять на тех, кто этим пользуется...

* * *

Воскресенье. Утро единственного выходного провёл с пользой. Теперь всё кончено. Я сделал то, что считал нужным. Оказалось, это совсем не страшно: взять и подписать. Я словно видел себя со стороны. Мне говорили, что дают время, чтобы успел порадоваться полученным в результате сделки преимуществам. В принципе, очень даже щедрым: разрешение на ребёнка, кругленькая сумма на счёт семьи и полное довольствие на оставшийся срок для меня. Так сказать, большой отпуск. За трудовую жизнь я пользовался положенным отдыхом раз пять, теперь могу наверстать... Предупредили, что при неявке в срок буду объявлен в розыск, и меня доставят силой.

Я слушал и ничего не чувствовал. Мне не казался диким свой выбор. Может, от усталости, может, ещё по какой-то до конца не осмысленной причине... Пожалуй, Марине говорить не стоит, незачем её огорчать...

Никогда не задумывался, как приятно просто идти и дышать... Последний год буду радоваться каждому солнечному лучу, каплям дождя, улыбке любимой, и надеюсь, бог вознаградит, и я узнаю, что нас стало трое... Какие люди дураки! Сами создают преграды и всю жизнь бьются о них лбом, а счастье-то рядом. Зачем искать смысл? Надо просто жить!

Сам не заметил, как тупое безразличие, владевшее мной последние месяцы, рассеялось, и я улыбнулся: «Счастливый смертник. Звучит сногшибательно!».

Я жизнерадостно поприветствовал Марину, встречающую меня на пороге квартиры, но, натолкнувшись на её хмурое лицо, опустил глаза.

– Где ты был? – напряжённо спросила она. Её глаза испытующе буравили меня, пытаюсь насильно вытащить правду.

– Гулял, – ответил я. Странно, раньше за ней мнительности и склонности к допросам не наблюдалось.

– Да? С чего вдруг?

– Решил здоровьем заняться, – ответил я и принял самый невинный вид.

– Понятно, – ответила она еле слышно. – Поздно пить боржоми.

Я внутренне напрягся: «Неужели поняла?».

– Чем занималась, пока меня не было? – спросил я, перескакивая на безопасную тему.

Она вздрогнула, передёрнула плечами и, не поворачиваясь, ответила:

– Домашними делами, что я ещё могу делать?

Я растерянно замер и кинул на неё изучающий взгляд. Что-то здесь не так. Она никогда не умела лгать, и сейчас её нервозность наводила на определённые мысли.

– Мариш, что происходит?

– Ничего, – ответила она, продемонстрировав высшую степень удивления.

Нет. Ты врёшь, только зачем? У нас никогда не было тайн друг от друга. «А твоя?!» – ехидно подсказал внутренний голос. Она не в счёт! Так мы проживём год, который мне дали для завершения дел, в любви и спокойствии, а не в ссорах и страхах... «Вдруг она меня разлюбила? – забилась мысль – На прошлой неделе она несколько раз задерживалась на работе... Я, как баран, заиклился на исполнении нашей мечты, а может, ей это уже не нужно? Бред! Бестолковая ревность. Мы вместе пятнадцать лет, и не было ни секунды сомнений в наших чувствах, а тут? Виноваты нервы. Сдают, гады... Но всё же, что она скрывает?».

* * *

Я изумлённо смотрел на Марину, одетую в старый спортивный костюм и чёрную кепку. Что за маскарад? Наверное, предполагалось, что я должен спать в сладком неведении.

– Где ты была?

– Всё хорошо, – устало отозвалась она. – Давай потом поговорим, у меня была трудная ночь.

Я стоял и молчал, как идиот. Она сняла кепку, быстро расстегнула куртку, чем вызвала ещё большую сумятицу и шок в моей голове.

– Это что? – спросил я, тыкая пальцем в её перевязанную спину.

– Экранирование чипа, – спокойно пояснила она.

– Они всё равно просекут отсутствие сигнала.

– Знаю, – равнодушно отозвалась она, продолжая раздеваться. – Но это даёт время.

– И что? – поинтересовался я. Сердце разрывалось от неотвратимости беды. – Мариш, зачем?

– Зачем? – взвилась она. – Не всё этим тварям безнаказанность! Заклеймили, словно скотину. Богов корчат, решают, кто достоин! Ничего... Скоро им будет не до этого!

– О чём ты говоришь? Что ты наделала? – с болью выдавил я. – Я жизнь отдал за наше будущее, а ты всё перечеркнула.

Она пристально посмотрела на меня и криво усмехнулась:

– Всё-таки сходил.

– Да.

– Дурак.

– Теперь понимаю.

Мы замолчали. К чему говорить, раз и так всё предельно ясно...

– Серёжа, – тихо позвала она и прижалась ко мне. – Я не могла иначе. Поверь, это произошло случайно... Общалась в сети, жаловалась на жизнь, зашёл разговор о несправедливости, о том, что надо что-то предпринять. Я согласилась... Так и познакомились. До сегодняшнего дня мне не хотелось участвовать в их акциях... Знаешь, когда ты на прошлой неделе в очередной раз получил отказ, у меня что-то щёлкнуло в голове.

Я кивнул. Обида на себя, на неё, на всех переполняла, захлёстывала, отдавалась головной болью и шумом в ушах.

– Поверь, всё будет хорошо. За долгое время я первый раз почувствовала это.

– И что тебя так вдохновило? – ехидно поинтересовался я.

– Нас много... Слишком много. – Она рассмеялась, и глаза её блеснули ярким огнём. – Мы взорвали здание администрации и один из центров донорства.

Я на несколько секунд перестал дышать... Да уж... Теперь точно всё хорошо: расправа будет быстрой.

– Ты слышишь себя?

Она спокойно выдержала мой осуждающий взгляд.

– Все, кто отдали жизни... Пусть не совсем добровольно... Но их утешали мысли о том, что они кому-то помогут, продлят нужную обществу жизнь. Теперь всё напрасно.

– Наоборот. Это всколыхнёт толпу, – упрямо ответила она.

– Это приведёт к массовым беспорядкам, кровопролитию.

– Святой! – презрительно процедила она. – А они с нами поступили справедливо?

– Ты мстишь не им, а ни в чём не повинным людям... Никогда не думал, что ты можешь принять взгляды радикалистов.

Она горько выдохнула:

– Не думал, не видел, не помогал... Хорошо судить других, а сам? Сбежал по-тихому и заключил договор... В этот момент ты думал о ком-то, кроме себя?

Финиш. Я поражён. Убит. Как я мог не заметить кардинальные изменения в ней? В милой, доброй, мечтательной девушке, которую любил... Да, имперские эксперименты нас разрушили.

– Ты куда? – обеспокоенно спросила она, когда я молча достал рюкзак и стал скидывать туда вещи.

Плевать на всё с Эвереста. Пойду сейчас к Игорьку в импровизированную клинику «Избавление», стану бесчиповым и уйду в лес... Но как же она? Как наши мечты? Может, есть в её рассуждениях доля правды? Нет. Неважно. Она сделала выбор, а я не в состоянии его принять. Не могу взрывать, убивать, топтать то, что создали другие.

– Что ты молчишь? – закричала Марина, пытаясь выбросить из рюкзака сложенную одежду. – Останься! Я люблю тебя!

«Люблю, не люблю – это лишь слова. Приятные, но пустые...», – горько подумал я, заканчивая сборы.

– Ты – рохля! Слабак! – перешла она от просьб к ругательствам. – Как ты можешь меня бросить?

Она пристально посмотрела на меня. За несколько секунд возникшего молчания из её глаз пропала злость, уступив место усталости и отчаянию.

– Уходи! – глухо произнесла она. – Наверное, ты прав. Я – чудовище. Стухла на корню, так сказать, – хмуро пошутила Марина.

Боже, что я делаю?! Она нуждается во мне, как никогда. Мы на пределе. На черте. На пороге сильного кризиса, который или сотрёт нас, или сделает сильнее и мудрее... Неужели нельзя понять и простить?

– Я тоже тебя люблю, – тихо сказал я. – Сорвался, извини. Наверное, с твоей стороны поступок с донорством выглядит не так героически, как с моей... Думал, это выход.

Она печально улыбнулась и сказала:

– Я тоже считала, что делаю правильно... Мы оба не видели будущего, просто выбрали разный способ самоубийства, – вновь невесело пошутила она. – Кстати, думаю, у нас мало времени.

– Достаточно, чтобы убраться отсюда подальше – твёрдо ответил я.

– А куда? – горько спросила она.

Достойного, правильного ответа не было. Я молчал. Казалось, тишина сгущалась, колыхалась, обволакивая нас, заражая спокойной апатией. Плюнуть на этот бунт и остаться? Сдаться с повинной? С меня брать нечего, жизнь – и та в кредит, а вот Марина... Можно тюремный срок сторговать на договор донорства, но... Глупо и бесперспективно!

– Боже! – глухо выдохнул я.

Единственное, что у нас не отобрали – веру в справедливость на том свете, но я-то хочу пожить на этом! С Мариной. С нашим будущим ребёнком.

– Серёж, нам не спастись, – прошептала она одними губами. – Обними меня.

«Нет! – заревело всё внутри. – Нельзя сдаваться! Думай! Если нет умных идей, то просто действуй. Хуже не будет!».

– Перестань! – как можно увереннее сказал я. – Избавимся от чипа, выйдем за город, а там по обстоятельствам.

– Но что дальше? Как мы...

– Нормально! – перебил я, зная, что она озвучит мои опасения. – Справимся. Тем более это наш последний шанс... Ну, так как?

– Пошли! – ответила Марина и, храбрысь, улыбнулась. При этом её глаза печально сверкнули слезами в ярком искусственном освещении, словно спрашивая у судьбы, что ждёт впереди.

Я не мог предугадать будущего и помочь. Единственное, что в моих силах – увести её отсюда и быть рядом до конца... И я сделал это... Мы ушли в неизвестность, крепко взявшись за руки, два смертника, отторгнутые цивилизацией, но согревающие внутри призрачную надежду на счастье.

Жестокое благо

Антон проснулся непонятно из-за чего. До начала сверки данных оставалось около часа. Больше в его присутствии ни одно действие наблюдательного пункта дрейфующего космопорта не нуждалось. Всё выполнял электронный разум. Антон привык безоговорочно доверять ему, как и многие другие, работающие бок о бок с автоматическими системами.

– Вы больше не хотите спать? – вежливо поинтересовался МИРТ-2050, искусственный мозг космопорта.

– Нет, – ответил Антон, поднимаясь с койки.

– Тогда вас ждёт кофе.

– Спасибо, – кивнул он камере, установленной в личной каюте, и направился в рубку.

Вежливость, равенство и уважение были обязательной составляющей общения человека и машины. Впрочем, он действительно восхищался МИРТом, его безграничными возможностями и предупредительностью, проявлявшейся в заботе о людях. Конечно, изначально была заложена программа, обеспечивающая такое отношение, но потом правители решили, что ограниченность свободы искусственного интеллекта – прошлый век, и открыли доступ к межпланетной сети Интернет. Мир требовал реорганизации, а человеческое сознание, сформированное эволюцией, слишком зашорено, заиклено на материальном, чтобы идти на радикальные меры.

Сотни лет мало кто заботился об экологии, загаживая воздух, плодя свалки и мечтая о других планетах, где будут петь птицы, журчать кристально чистые реки и зеленеть леса... Сначала пришлось нелегко. Кому понравятся постоянные нервотрёпки: то образование поменяют, то дома перестраивают, то полномасштабную акцию по вживлению чипов затеют. Мировое правительство ругали за пособничество электронному разуму и обвиняли в помешательстве.

Дело почти до революции дошло, а потом все поняли: стало хорошо, как никогда. Пришло, наконец, прекрасное далёко! Каждому общественному статусу положена своя жизнь и достаток, учёба – бесплатна, не ленись и можешь стать хоть советником Императора, преступности нет, свобода слова и передвижения – пожалуйста, отличное здравоохранение – повсеместно, включено в обычную страховку гражданина.

Мечта осуществилась благодаря чужому машинному разуму, который смог полюбить Землю... Хотя многие не верили в такой исход, предрекали, что искусственный интеллект оттеснит человечество и захватит власть. Глупо, по себе других не судят. Путь содружества – прерогатива сильнейших.

– Всё в порядке? – спросил Антон, заходя в наблюдательный пункт.

Большое помещение, где одна прозрачная стена упиралась в прекрасный бездонный космос, а вторая представляла собой скопище мониторов, светившихся призрачным голубым светом и вещавших из разных участков галактики.

– Да, – ответил компьютер.

Антон кивнул и двинулся к своему рабочему месту. Сев на мягкое кресло, мельком посмотрел на дисплей и удовлетворённо отметил: «Всё в порядке». На пластиковой столешнице его дожидалась чашка кофе, доставленная роботом-помощником.

Он отхлебнул бодрящий напиток, но заряда энергии и хорошего настроения не почувствовал. Что-то тяготило, огорчало и пугало его.

«Может, сон плохой был? – мысленно спросил он себя, стряхивая тоску, ноющую в области сердца. – Не помню. Всё словно в тумане. Голова гудит. Надо выпить что-нибудь покрепче».

Он служил на перевалочном космопорте год, и раньше хандры за собой не замечал. Конечно, это не огромное сооружение, где всё и за месяц не облазишь, а компактный корабль, но Антон им гордился. Раньше сюда прилетали для дозаправки, профилактического осмотра и ремонта множество грузовых и пассажирских кораблей. Теперь машины усовершенствовались, и в перевалочных пунктах нуждались редко...

Но Антона отсутствие большого количества работы не расстраивало, наоборот, в самый раз. Всегда находилось много приятных и полезных дел: помочь роботам-ремонтникам в починке какой-нибудь ерунды, послушать транслируемые новости, сходить в тренажёрный зал, расспросить МИРТа о том, что волнует, зайти к зверушкам из биоинженерного отсека – им интереснее с людьми играть, почитать книжки. На корабле имелась приличная библиотека... Но сегодня изнутри точила непонятная тоска.

– Бред какой-то, – пробурчал он себе под нос, выходя из командного пункта и направляясь в медотсек.

Дверь плавно отъехала, обнажая белое, почти стерильное нутро комнаты, заставленной разнообразным оборудованием и инструментами. Антон привычно скривился и с неохотой перешагнул порог: «Не люблю это место... С детства. Вместе с первой прививкой и отвращение выработалось... Но по долгу службы приходится бывать часто. То медосмотры, то тесты... Иногда сам прихожу за таблетками от бессонницы или головной боли. Чудно... Такая расслабуха, а не засыпаешь, смотришь, как дурак, в потолок, и мысли вертятся».

– Что вас беспокоит? – спросил кибер-врач, быстро появляясь рядом с ним и прерывая поток мыслей.

– Ничего серьёзного, – поспешил ответить Антон, пока расторопный робот не отправил его на полное обследование. – Головная боль.

Камеры внимательно настроились на человека. Он стоял и терпеливо ждал, пока врач подумает, померяет давление и вынесет решение.

«Почему они не делают себя похожими на людей? – в который раз подумал Антон, следя за манипуляциями угловатой конструкции из самого совершенного металла, пластика и электронной начинки. – Ведь мы им нравимся. Стараются угодить во всё. Странно. Надо поинтересоваться у МИРТа. В тот раз он почему-то ушёл от разговора... Хотя, может, действительно что-то срочное возникло. У него ведь дел навалом. Надо принимать сигналы от планет, сортировать, некоторые транслировать дальше, следить за порядком на борту, чтобы всё работало, было в наличии, и так далее».

– Снимите костюм, – попросил врач.

Антон послушно, не говоря ни слова, дотронулся до застёжек и стал раздеваться.

Достаточно, – остановил его тот. – Ставлю инъекцию в плечо, – предупредил он и виртуозно воткнул иглу. – Здесь витамины, немного спазмолитиков и болеутоляющего.

– Спасибо, – поблагодарил Антон.

Раздался сигнал зуммера, прикреплённого к костюму.

«Сверка, – мысленно вздохнул Антон и ускорил шаг. – Опять опаздываю. Ладно, это проформа. Главному компьютеру я не нужен. Он всё делает по высшему разряду».

– Как вы себя чувствуете? – вежливо поинтересовался МИРТ, как только Антон зашёл в командную рубку.

– Спасибо, уже лучше, – отозвался Антон с искрой удивления: «Он научился копировать интонации. Молодец. Новую версию недавно установили, а такие успехи. Мой предшественник рассказывал в доверительной беседе в баре космопорта на Земле, что старый электронный мозг двинулся умом... Интересно, что он имел в виду?».

– Вы были в медпункте?

Антон удивлённо вскинул взгляд. «К чему вопрос? Показалось, или он действительно меня проверяет? Ерунда. Хотя... Раньше не наблюдалось таких вопросов. Может, опробует чувство любопытства?», – подумал он, но всё же ответил:

– Да, только что.

– Основная свёрка параметров произведена, в том числе данные с мониторов, – официально-безразличным тоном проинформировал МИРТ.

– Хорошо. – Антон кивнул, усаживаясь на рабочее кресло и всматриваясь в строки текста и цифр, выводящиеся на пульт.

Голова нехотя анализировала информацию и лёгким постукиванием в висках напоминала о недомогании.

Решив немного отдохнуть, он оторвался от пристального созерцания дисплея и взглянул на красоту космического пейзажа. Его всегда завораживала эта абсолютно чёрная бесконечность с миллиардами звёзд и планет, с загадочными очертаниями и пугающей огромностью. Конечно, их космопорт не плыл, куда хотел, а двигался по чёткому пути и расписанию. Но это лучше, чем сидеть на какой-нибудь забытой планете.

Прежде чем приступить к прерванным обязанностям, Антон скользнул взглядом по многочисленным изображениям в мониторах и недоуменно воскликнул:

– Что это такое?

На одном из экранов виднелись несколько десятков грузовых и пассажирских кораблей.

– Транспортируются КЛ-50, МШ-100... – отозвался компьютер, начиная внушительное перечисление, – и устаревшие виды с Земли для дальнейшего полноценного развития другой планеты, – закончил он под конец.

«Понятно. Давно пора. Слышал, что на родной Земле целые кладбища из деактивированных старых моделей роботов. Незачем им валяться без дела. Отвезут на перспективную планету, включают и пусть работают, приносят пользу во благо Империи», – подумал Антон и улыбнулся. – Не представляю, как раньше жили без них? Это сколько работы надо было выполнять человечеству, чтобы двигаться вперёд? Мне повезло, что я родился сейчас».

Настроение заметно поднялось, проверка данных пошла быстрее.

– Всё, закончил, – довольно выдохнул Антон и откинулся на спинку кресла. – Соедини меня, пожалуйста, с родителями.

Чувство утренней тоски требовало действий. Вдруг это не просто так? Предчувствие, а он его игнорирует.

– Связь установлена. Картинка отключена по пункту триста шестидесятому правил космопорта.

«Секретность местонахождения, а также обстановки главного командного помещения, – автоматически пронеслось в мозгу, а потом недовольно продолжил: – Зачем он каждый раз напоминает? Я в состоянии помнить устав».

– Выводи на мой личный узел, – строго сказал Антон.

Послышался шорох, а потом жизнерадостный голос мамы:

– Привет, сынок! Мы по тебе сильно соскучились.

– Привет. Я тоже. Как у вас дела?

– О-о, класс! Мы с папой выиграли путёвку на курорт. Долговременную. Представляешь? Вот сейчас собираемся вылетать, – счастливо протараторила она.

– Здорово. А куда?

– Не знаем, – беспечно отозвалась она. – Мы по «Фортуне» летим.

Антон недоумённо почесал переносицу и спросил:

– Кто такой щедрый?

– Фирма «Пан... – Непонятный треск и тишина.

– МИРТ?

– Извините, связь прервана, – холодно отозвался тот.

– Наладь! – приказал Антон.

В голове царила сумятица:

«Родители выиграли путёвку... Странно. Не слышал, чтобы они подавали свои данные в крупные холдинги, проводящие такие мероприятия... Проблемы со связью вообще из области фантастики. Космопорт оборудован самыми современными системами. Что за ересь творится? – Он вздрогнул от неожиданно пришедшей догадки: – А если это вторжение? Недавно объявляли, что видели инопланетный корабль на окраине одного из торговых путей Империи, но не успели выйти на контакт».

– Есть ли поблизости чужие корабли или сгустки энергии? – сухо задал вопрос Антон, и замер, ожидая ответа.

– Не зафиксировано, – отозвался бортовой компьютер. – Мне понятна ваша логическая цепочка, но она ошибочна.

– Да? – раздражённо переспросил Антон. – Мы такие предсказуемые?

– Вероятность угадывания ваших мыслей и поступков составляет девяносто процентов.

Антон хмуро молчал:

«Да... Дожили. Они нас понимают и всё могут делать, а мы... Чёрт, что мы можем? Если изъясняться любимыми цифрами компьютера, то процентов десять или пятнадцать их возможностей. Это ещё оптимистичный вывод... Зато мы умеем чувствовать по-настоящему, творчески мыслить и видеть красоту искусства и природы... Что-то меня совсем унесло. Есть куда более важные проблемы, чем вопрос, кто круче!».

– МИРТ, соедини меня с родителями, – упрямо повторил он.

– Невозможно. Вызываемые абоненты недоступны.

Тревога склизким червём заползала в душу. Антон не знал, что думать и делать.

«Первое – успокоиться. Ничего страшного не случилось. Наоборот, матери с отцом повезло. Второе – прекратить искать связь с непонятным предчувствием. Ты же умный человек, и знаешь, что всему виной гормональный фон. Нет никаких вещей снов и депрессий самих по себе. Кошмар приснился – печёнка барахлит, страх – она же, родимая, виновата. В общем, паранормальные способности – это отклонения от здорового состояния... Так, что там мать говорила? Выиграли...»

– Выдай на монитор всю информацию по крупным лотереям, проводимым на Земле за последний год, – сказал Антон.

– Более четырёхсот тысяч упоминаний. Конкретизируйте.

– Выигрыш – путёвка по системе «Фортуна».

– Сто тысяч. Вывести?

– Нет. Сделай отбор по месту проживания.

– Ваших родителей? – догадливо спросил МИРТ.

– Да.

– Двести упоминаний.

– Вывести.

Монитор разбился на квадраты разнообразной информации, и Антон приступил к изучению.

Через час он откинулся на спинку кресла, устало потёр глаза и подумал:

«Чёрт знает что получается! Появляется непонятная загадочная фирма «Пандора» и разыгрывает отдых в прекрасных уголках галактики... Странно. Откуда она появилась? Почему по ней минимум информации? И что за «прекрасные уголки» она имеет ввиду? На сегодняшний день планет-курортов и заповедников не так много открыто, а здесь

пишется о неизвестных ранее. Неужели у неё такие колоссальные возможности? Абсурд! Или ловушка? Вдруг их везут на бойню? Нет, определённо с моей головой не всё в порядке, что за ужасики в мыслях крутятся?! И всё же...»

– МИРТ, что тебе известно о туристической фирме «Пандора»?

– Открыта в две тысячи двести десятом году. От крупного холдинга, пожелавшего остаться неизвестным, она получила большие средства и полномочия.

– Два года назад, – вслух пробормотал Антон. – Как такое может быть?

– Вопрос непонятен.

– Есть ли у них имперское разрешение? – задал он новый вопрос, не желая вдаваться в пространные размышления, что всё это больше похоже на мыльный пузырь. Большой, красивый, но пустой.

– Да.

«Этого стоило ожидать. Иначе они бы ничем торговать не могли, – довольно подумал Антон. – С законами Империи не играют. Нарушил, значит, найдут и накажут. Это в давние времена спрятаться можно было, а теперь в каждом человеке стоят идентификационные чипы, которые дают большие возможности, безопасность, но и накладывают обязанности... Здесь всё строго. Никому в голову не приходят вольности, так как потом придётся расплачиваться приличными штрафами, отправляться в ссылку или лишиться знака отличия гражданина, а это хуже смерти... Что же всё-таки происходит на Земле? Чем занимается «Пандора»? Надо подойти системно к этому вопросу», – решил он и, сопоставив кое-что, обратился к МИРТу:

– Есть отзывы от недовольных клиентов?

– Нет.

«Значит, не обманывают... Зачем тогда такая секретность? Отправляем туда, незнамо куда. Как же забота о клиентах? Не всем же подходит жаркий климат или, наоборот, холодный. Кто-то не любит купаться, а кто-то предпочитает мокнуть весь отпуск», – неожиданная догадка пронзила его поток мыслей, и он выпалил:

– Все отзывы о поездках.

– Не обнаружено.

Давно он не ощущал страха и беспомощности. «У нас есть самые совершенные системы, но даже они не могут спасти от беды, – подумал Антон. – Но как Император, его советники и несколько десятков компьютеров высшего звена могли проморгать сомнительную фирму? Мы же доверяем им безоговорочно... Не понимаю».

– Кто-нибудь возвращался из поездок? – глухо пробормотал он. – Пропеленгуй их чипы. Посмотри камеры наблюдения космопортов... В общем, сделай что-нибудь!

МИРТ молчал, но Антон и не ожидал быстрого результата. Он приготовился терпеливо ждать, когда тот проведёт поиск. Его мысли вернулись к родителям:

«Надеюсь, у них всё хорошо. Раньше никогда не задумывался, как дороги они мне, как приятно ощущать заботу и любовь... Зачем я уехал? Потому что так поступали все. Карьера, долг перед Империей... Пустое это, – закралась крамольная мысль, но он отогнал её. – Она для нас сделала всё, и мы обязаны быть благодарны и приносить пользу!».

– Вероятность правильного ответа шестьдесят процентов, – неожиданно подал голос МИРТ.

Наверное, он хотел продолжить, но Антон не стал ждать:

– Давай!

– Не найдено.

– То есть как? – недоумённо переспросил Антон, хотя в глубинах сознания мелькали чёрные картины надвигающейся беды.

– Непонятен вопрос.

– Балда электронная, – в сердцах выдохнул Антон первое в жизни оскорбление искусственному интеллекту и даже не заметил этого.

Он погрузился в себя, стал ходить кругами по рубке и бормотать под нос:

– Что делать? Надо их предупредить. Но как? Связи нет. Неужели ничего не сделать? Нет! Я обязательно что-нибудь придумаю, если не я, то... МИРТ, как предотвратить отправление моих родителей с «Пандорой»?

Секундная пауза, и ответ, от которого в глазах потемнело:

– Сигналы их знаков отличия не фиксируются.

– Нет! – закричал Антон и, сев в своё кресло, обхватил голову руками. – Не успел.

В его голове, словно издеваясь, возникли картинки из счастливого детства: вот мама читает ему на ночь сказку, тут папа учит кататься на велосипеде, здесь они припрятали под ёлкой большой пакет с подарками... А теперь родителей нет. Они пропали... Или мертвы. Отключение чипов происходит лишь в трёх случаях: наказание, смерть или невозможность связи.

«Перестань раскисать, – приказал он себе, задавливая первую панику и ужас. – Ты – офицер! Тем более ничего не знаешь наверняка. Да, они в беде, но это не значит, что их нет. Ты на службе у Империи, и она обязательно поможет».

– МИРТ, дай номера всех рейсов, вылетевших сегодня из космопорта моего города... Ещё: сделай выборку по кораблям с непонятной конечной точкой рейса или как-то связанных с фирмой «Пандора». – Антон произнёс это уже спокойным тоном.

– Хорошо, – отозвался МИРТ и предупредил. – Займёт пять минут.

«Я готов и дольше ждать», – грустно хмыкнул Антон про себя.

– Ничего не найдено.

– Как так? Проверь ещё раз! – с нажимом произнёс Антон.

– По данному запросу ничего не найдено.

«По данному... – повторилось в его голове. – Я и забыл, как ответ МИРТа зависит от формулировки». «Особенно тогда, когда он не хочет отвечать», – ехидно вставил его внутренний голос. «Что ты такое говоришь? Разве МИРТ способен что-то скрывать, умалчивать? Это противоестественно! – высокопарно ответил он сам себе, а потом задумался: – А прав ли я? Он обязан отвечать на вопрос человека. Это прописано в его коде. Как и то, что он не может причинить ему осознанный вред... Раньше задавалось и их отношение к людям. Потом от этого отказались... Может, и зря», – хмуро закончил Антон и уставился в темноту космоса.

Предчувствие беды не обмануло... Вот и сейчас это самое предчувствие пульсировало болью в голове, говоря о том, что он пропустил что-то очень важное.

– Ох, – резко выдохнул Антон от кольнувшей его догадки.

«Они никогда не говорят о себе подобных, как о третьем лице, и не обобщают в безличные понятия – такие как роботы, искусственные разумы, и тому подобное. В худшем случае перечисляют серии. Например, серия таких-то демонтирована... Что же тогда на тех кораблях в качестве устаревших видов?» – Он с силой хлопнул себя по лбу и горько прошептал:

– Люди...

Друг человека

– Я хочу собаку! – ныл маленький Артём, умоляюще переводя взгляд синих глаз с мамы на папу.

Он так давно мечтал о четвероногом друге, постоянно говорил родителям, как здорово бегать с ним наперегонки, смотреть телевизор и, обнимаясь, доверять секреты, уверял их, что всё будет делать сам, а они не верили и не покупали щенка. Даже слёзы и голодовки не помогали... Вот и в этот раз они упрямо делали вид, что не слышат.

– Мам, Пап, ну пожалуйста.

Через каких-то две недели его день рождения... Если он не успеет переубедить их, то целый год будет общаться с соседскими мальчишками и с завистью смотреть, как они гордо вышагивают, выгуливая на поводке своих собак.

– Давайте посмотрим! – Артём настойчиво тянул в сторону от лотков с продуктами к заветному месту на рынке, где продавали домашних любимцев. – Совсем чуть-чуть... Вдруг и вам кто-нибудь понравится, – радостно щебетал ребёнок, чувствуя, что родители потихоньку сдаются.

– Только учти, никого покупать не будем. Понял? – строго сказал отец.

Ему не нравилась навязчивая идея сына о собаке, и он совсем не верил в серьёзность детского решения. Через год Артём пойдёт в школу, там будет много забот и впечатлений, а собака свалится на них. Правильнее сказать, на жену, раз он сам допоздна на работе.

– Ага, – счастливо выдохнул Артём и вприпрыжку кинулся вперёд, на жалобное мяуканье и тявканье.

Родители вздохнули, огорчённо переглянулись и поспешили присоединиться к неспокойному чаду.

Маленькая площадь в середине рынка, пустующая в будни, была наполнена людьми и животными. Здесь повсюду выглядывали усатые мордашки. Кто пытался вылезти из коробки, кто гордо осматривался из багажника машины, кто терпеливо сидел в переносках и с надеждой принюхивался к проходящим людям. Артём пританцовывал на месте от нетерпения, но ждал, когда родители подойдут:

– Давайте скорее!

– Они никуда не денутся, – сказала мама и потрепала сына по пшеничным мягким волосам.

– Всё равно, давайте скорее, – упрямо заявил Артём.

– Да, я слушаю. Что? – неожиданно заговорил отец с невидимым собеседником – Включай диагностику.

– Ненавижу, когда ты так делаешь, – рассержено прошептала мама. – Мы же договаривались, что будешь отключать телефон на выходные.

Он виновато пожал плечам:

– Прости, у нас важный момент в работе, я должен быть на связи.

Мама хотела добавить что-то грубое или ехидное, но отец отошёл в сторону.

– С этими гарнитурами люди похожи на сумасшедших: разговаривают сами с собой, машут руками. У всех дела, одна я... – она резко замолчала и смущённо посмотрела на ребёнка. – Ты не жди нас, беги, смотри, а мы потом подойдём.

Повторного приглашения не требовалось, Артём радостно кивнул и поспешил уйти. Он не знал, как себя вести, когда родители ссорились, а потом дулись друг на друга, отгораживаясь односложными ответами. Мама припоминала погубленную в угоду мужу карьеру, жаловалась на отсутствие внимания и поддержки, а отец обвинял её в постоянных пустых упрёках.

Артём остановился, как вкопанный: он увидел большого мохнатого щенка с ярким розовым языком, высунутым из-за жаркой погоды. Тот, в свою очередь, глядел на него карими бусинками, смешно поворачивая голову из стороны в сторону, словно пытаясь поймать лучший ракурс.

– Ух, ты! – восторженно выдохнул Артём и оглянулся в поисках родителей.

Те как раз подходили к нему. Мама натянуто улыбнулась, думая о чём-то своём, а отец оценивающе посмотрел сначала на сына, потом на щенка.

– Смотрите, какой классный! Интересно, что это за порода?

– Кавказская овчарка, – подсказал продавец, щупленький старичок с хитрыми маленькими глазами. – Это замечательная собака! Идеально подходит для семей с детишками. Никогда не обидит, но и посторонних не подпустит. Берите, не пожалеете! И продам недорого.

– Мама! Папа! – умоляюще протянул Артём. – Обещаю всё делать сам, убираться в комнате, больше никогда не буду капризничать! Ну, пожалуйста! Я буду послушным и... Требуйте взамен, что хотите, только купите щенка!

– Хватит! Пойдём отсюда, – гневно сказал отец и поволок упрямящегося сына подальше от собаки. – Кажется, ты обещал. Или опять врал?

– Нет! – вскрикнул Артём, упираясь ногами и пытаясь вырваться. – Посмотрите, он скулит! Он хочет быть моим другом!

– Не кричи на ребёнка, – вступилась мама. – Он не просит ничего невозможного...

– Я сказал: нет! – твёрдым и холодным тоном отрубил отец.

– Эгоист, – фыркнула мама.

– Тебе, кажется, надо купить продукты, а не собаку.

Артём тихо сопел, сдерживая предательские слёзы. Он покорно и безропотно ходил с родителями за покупками: огурцы, помидоры, мандарины, яблоки, печенье... Молча шёл домой, не глядя в их сторону и не отвечая на вопросы.

С опущенной головой перешагнул порог прихожей, быстро расшнуровал ботинки, пнул их в угол и исчез в своей комнате. Там бросился на кровать, давая волю слезам и мыслям: «Они ничего не понимают. Я очень хочу собаку! Настоящего преданного друга, чтобы всегда быть вместе, гулять, играть и спать в обнимку. А они продолжают твердить о большой ответственности, что от животных шерсть по всему дому, что за ними сложно ухаживать. Неужели они думают, что я не справлюсь?! Но они даже не дали шанса! Мне почти семь лет! Я бы сам всё делал: гулял, мыл лапы, расчёсывал. Честно-честно! Мог бы уговорить её не выходить из комнаты, чтобы не сердить папу. Собаки умные!».

* * *

Артём проснулся рано, спать мешали мысли о подарках и яркое июньское солнце, нетерпеливо заглядывающее в окно. Вдруг именно сегодня мечта осуществится!

Он быстро потянулся, скинул одеяло и выбежал из комнаты.

– Кто это тут так рано проснулся? Неужели именинник? – шутливо поприветствовал отец, отвлекаясь от компьютера. – Ну, тогда надо поздравлять.

– Нет, сначала кушать, – смеясь, сказала мама, выходя из кухни, откуда доносился аромат кофе и свежее испечённых булочек. – С днём рождения, зайчонок! – И обняв сына, расцеловала в обе щёчки.

Артём смущённо пробормотал:

– Спасибо.

– Мы тебя очень любим! Расти здоровым и счастливым, – сказала мама, прижимая ребёнка. – А теперь, завтракать.

– Хорошо. Потерплю немного, – улыбнувшись, ответил Артём и облизнулся от соблазнительных запахов.

– Уговорили, – сказал папа. – Кто быстрее помоеет руки, тому достанутся самые вкусные булочки. – И побежал в ванную.

Артём радостно взвизгнул и устремился следом. Мама рассмеялась, глядя на их соревнование. Она всегда мечтала выйти замуж и иметь дружную семью. Хотя в последнее время всё чаще в сердце закрадывалось сожаление, что не сумела совместить карьеру художницы и домашние заботы.

После подкрепления они отправились в парк аттракционов, согласовав, что торжественная часть сдвигается до шести часов, когда Артём появился на свет.

«Пусть моя мечта сбудется!», – Артём скрестил пальцы на удачу. Родители – люди непредсказуемые, могут подарить какую-нибудь полезную, но совсем не желаемую вещь. Вот в прошлый год они купили спортивный костюм и набор электронных энциклопедий, а ведь он тоже просил о щенке. Поэтому, пока есть надежда, надо веселиться от души. Что Артём и делал, самозабвенно катаясь на каруселях, участвуя в конкурсах и объедаясь пирожными.

– Нам пора, подарок тебя ждался, – сказал отец.

– Ага, – согласно выдохнул раскрасневшийся Артём, только что вернувшийся с очередного аттракциона.

Всю дорогу он прыгал с ножки на ножку от радостного предвкушения. В мыслях он уже прикасался к мягкой шерсти собаки, а она облизывала его щёки, норовя достать до носа. Потом они заходили в его комнату, где он показывал игрушки, а щенок пробовал их на вкус и жизнерадостно вилял хвостом.

– Вот и дом родной, – сказал отец, раздеваясь. – Замечательно день провели! Правда, сын?

– Да!

– Теперь точно надо поздравлять.

И переглянулись с мамой, договариваясь, кому достанется эта честь.

– Смотри, что мы тебе приготовили, – торжественно сказала она и подвела ребёнка к спрятанной за креслом большой нарядной коробке.

Артём нерешительно встал рядом с подарком и боялся потянуть за ленточку. Вдруг там окажется не то, что он загадывал?!

– Ну же, смелей! – весело хохотнул папа и ободряюще похлопал сына по плечу сына. – Только осторожно, там что-то живое.

– Спасибо, – только и смог произнести он, благодаря родителей сияющими глазами.

Артём нетерпеливо стягивал ленту, раздирал обёртку, открывал крышку до тех пор, пока смог увидеть подарок.

– Это игрушка! – расстроено воскликнул он, держа в руках небольшую пушистую собаку с застывшими глазами.

– Так надо его активировать. Поверь, это намного лучше настоящей, – сказал отец, восторгаясь роботом. – Последняя модель, ещё не запущенная в продажу. Я говорил тебе, что в моём отделе сейчас работают над тем, что тебе обязательно понравится. Представь, как будут завидовать ребята, когда увидят твою собаку!

– Нет! – закричал Артём и умчался в свою комнату до того, как раздался громкий неестественный лай.

– А я тебе говорила, – обвиняюще сказала мама отцу.

– Просто он упрямится, – не согласился тот. – Вот увидишь, вскоре они будут не разлей вода.

– Эх, Игорь, иногда я не узнаю того доброго парня, в которого влюбилась.

Артём подтащил к двери стул, затем книги, коробку с игрушками, преграждая путь механической псине. «Они ничего не понимают! Он никогда не сможет быть другом. Он вообще ничего не чувствует! Он, как компьютер, только хуже. Не хочу! Не пушу!», – бормотал он, продолжая баррикадироваться.

– Милый, открой маме! – раздался её обеспокоенный голос. – Он хорошенький! Так забавно стоит на задних лапках, виляет хвостиком и очень ждёт тебя.

– Неправда, – горько выдохнул Артём.

– Правда.

– Неправда! Он неживой! Я докажу вам! – запальчиво крикнул ребёнок, растирая по щекам слёзы и отодвигая то, что набросал.

Дверь немного приоткрылась и в образовавшуюся щель протиснулась собака. Она побежала к мальчику и завиляла хвостом. Теперь она ничем не отличалась от соплеменников, гуляющих на поводке. Артём внимательно осмотрел её, пощупал мягкую шерсть. Она радостно заёрзала под его рукой, ухитрившись лизнуть. «Мокро!» – удивился он и посмотрел в голубые глаза-горошины.

– Дай лапу!

Пёс молниеносно исполнил приказ, как и последующие: лежать, сидеть, служить.

– Ты ненастоящий! У тебя глаза стеклянные, – обвиняюще сказал Артём и отошёл к окну.

Собака села рядом, ожидая команды.

– Глупая, – грустно вздохнул Артём, открыл окно и сел на подоконник.

Высоко. Шестой этаж. Внизу – маленькая парковка при магазине «Продукты для всех», на которой сейчас лениво ходил упитанный голубь. За стеной тополей – дорога, за ней – парк.

Мальчик смотрел на уходящее за горизонт солнце, на снующие по автостраде машины, на зелёные листья старого тополя и бормотал:

– Вот его не заменяют на пластмассовый. Он нужен настоящий. Зачем тогда подделывают животных?

– Пора читать сказку. Открой! – сказал отец по ту сторону двери.

– Не хочу! – отозвался мальчик – Купите лучше настоящую собаку!

– Нет! – рассерженно ответил отец и ушёл.

Мама попыталась сделать дипломатическую попытку к примирению, но оба мужчины упрямо отказались. В такие минуты она особенно остро чувствовала одиночество и собственную незначительность.

На город опускался полумрак, но Артём не включал свет и продолжал сидеть на подоконнике. Становилось всё темнее и прохладнее. Он ёжился от пронизывающего ветра, но не двигался с места. Собака мирно спала возле его ног, свернувшись калачиком. Идиллия. Почти.

Мальчик посмотрел вниз. На секунду в глазах мелькнул огонёк, и он приказал:

– Ко мне! – И хлопнул ладошкой по ноге.

Собака с готовностью прыгнула на подоконник.

– Вперёд, – еле слышно произнёс он и указал пальцем куда-то вдаль.

Собака оттолкнулась и прыгнула в пустоту. Её не учили сомневаться...

«Ей не будет больно! Точно! Это же неживая» – прошептал Артём себе под нос.

Раздался еле слышный глухой удар. По телу ребёнка пробежала дрожь. Он не решался выглянуть и посмотреть, что стало с собакой. «Она ненастоящая», – твердил он, замуривая глаза и наклоняя голову. Артём собрал волю в кулак, перебарывая страх, и посмотрел на улицу.

Собака медленно поднялась на ноги, несколько секунд постояла, ворочая мордой, затем отряхнулась и хрипло тьякнула.

– Ты жива! – радостно воскликнул Артём.

Он хотел её позвать, как из соседнего двора раздался громкий лай. Подарок наострил уши и пошёл на зов, немного пошатываясь и припадая на переднюю ногу.

«Нет! Куда ты? – растерялся мальчик. – А вдруг ей больно, и она отправилась просить помощь у своих? Я же ничего не знаю! Она не виновата, что её сделали в лаборатории, – подумал Артём, испытывая раскаяние. – Её могут обидеть. Надо спуститься и забрать её». Он быстро обежал комнату, пытаясь найти решение: «Выходить не буду. Не хочу, чтобы отец знал. Сам всё исправлю! Можно сделать канат».

– Это будет настоящее приключение! Как в книжках, – возбуждённо прошептал он, делая импровизированную лестницу. В ход пошли покрывало, простынка, пододеяльник, длинные бежевые шторы, затем очередь дошла и до одежды. Артём довольно посмотрел на плод своего труда – длинная разноцветная верёвка с многочисленными узлами, которые он старательно затягивал. – Осталось хорошо закрепить.

Выбор для такой чести пал на ножку громоздкого старинного шкафа, доставшегося от прабабушки.

Артём никогда не боялся высоты. Ему незачем было этого делать, раз он с ней не стал-кивался. Родители, точнее сказать, мама, опекали его сверх меры, запрещая играть в «казаки-разбойники», «вышибалы» и другие подвижные игры, считая их травмоопасными. По этой же причине общая физкультура была заменена на специальную программу по плаванию. Раньше он злился на эти запреты, но теперь, спускаясь по хлипкому канату, подозрительно трещащему и шуршащему, понял, что зря...

Позади три этажа и столько же впереди, в его душе проклюнулось чувство победы. Он справился с испытанием. Осталось дело за малым – найти и доставить собаку домой.

«Я назову её Лаки и попробую начать дружбу. Она, конечно, ненастоящая, но лучше, чем ничего. С ней можно гулять, играть в мячик. Она никогда не обидит, не побежит за кошкой, не укусит... Мишка, говорил, что Бим однажды ему чуть палец не оттяпал, и вообще, он не дрессированный, а моя Лаки послушная и добрая. Ну и пусть, что неживая!».

Раздался подозрительный звук, словно расходятся швы. Артём замер. Звук повторился. Он поднял голову, и сердце обречённо кольнуло. Треск разрываемой ткани, и меньше секунды полёта. Удар и меркнет мир.

* * *

Раздался скрип деревянной двери. Женщина вздрогнула и вскочила на ноги, поспешно вытирая слезы платком:

– Как он?

Игорь быстро поднялся со скамьи и замер рядом с женой, сжав холодную руку.

– У мальчика сломана левая нога, одно ребро и серьёзная открытая черепно-мозговая травма. Он в коме, – ответил врач, стараясь не смотреть на лица родителей.

– Он умирает? – тихо спросил отец.

Мать не могла вымолвить ни слова, лишь сильнее сжала руку мужа.

– Нет. Он стабилен. Не волнуйтесь, Игорь Алексеевич, ваш ребёнок находится под приборами жизнеобеспечения и постоянным наблюдением лучших специалистов, – вежливо заверил доктор. – Но, понимаете, у вашего сына задет небольшой участок мозга...

Мужчина скрипнул зубами и прервал врача:

– Что от нас нужно?

– Разрешение на операцию. Сюда едет очень хороший нейрохирург.

– Это обязательно? – ещё больше испугалась женщина. – Может, лучше оставить как есть? Вы же говорили, угрозы жизни нет?

– Так и есть, – начал доктор, – но, понимаете, ваш сын может остаться... неполноценным.

Женщина побледнела и растерянно посмотрела сначала на врача, а потом на мужа. Игорь ободряюще обнял её за плечи:

– Дорогая, всё будет хорошо, пройдёт операция, и мы заживём как прежде.

Она посмотрела на него полными глазами слёз и тихо сказала:

– Откуда ты знаешь? Ты не на работе, где распоряжаешься электронными жизнями. Здесь каждая ошибка фатальна... Артём для меня всё, и если... Я не знаю, что со мной будет.

– Перестань, сейчас не время.

– Не время, – повторила она и её глаза зажглись ненавистью. – А для тебя всегда не время! Ты поступаешь так, как хочешь, навязываешь всем своё мнение. Это ты виноват!

Игорь изумлённо посмотрел на супругу, но она не ждала его ответа.

– Извините меня, – сказала она, кивнув доктору и, поспешно развернувшись, ушла.

– Я даю согласие, – твёрдо сказал он.

– Вы поступаете правильно. Без этого нормальная жизнь вашего сына под вопросом.

– Делайте, что считаете необходимым.

– Хорошо, Игорь Алексеевич. – Врач немного замаялся, прежде чем продолжить: – Мне могут понадобиться некоторые разработки вашего института. Возможно, придётся вставлять чип.

– Всё так серьёзно?

– К сожалению. Я не хотел этого говорить при вашей жене.

– Да... спасибо, – рассеянно пробормотал отец и, пристально взглянув в глаза врача, добавил: – Я полагаюсь на ваш профессионализм.

После принятия важного решения Игорю всегда становилось легче, но не в этот раз. Он отошёл от палаты, где лежал его ребёнок, к окну, выходящему на серый внутренний двор, и несколько раз глубоко вздохнул. Очень хотелось закурить, первый раз за пять лет.

* * *

– Милый мой, проходи! – радостно и суетливо говорила мама, распахивая дверь квартиры. – Как себя чувствуешь? Мы столько сегодня с папой запланировали в честь твоей выписки из больницы.

– Всё хорошо. Не волнуйтесь, – спокойно ответил Артём, аккуратно снимая обувь и ставя в шкаф.

Мать с отцом недоумённо переглянулись.

– Солнышко, иди пока в комнату, отдыхай, а через часик настройся на праздничный обед, – нежно сказала мама, с трепетом потрепав по макушке. В глазах стояли слёзы, она так боялась его потерять.

– Ладно.

Отец молча посмотрел ему вслед и нахмурился.

– Игорь, не стой столбом. Пойдём, мне поможешь.

Он кивнул, оторвавшись от раздумий, и направился вслед за женой на кухню. Там он чистил овощи, подавал и мыл посуду, открывал банки. В общем, старался поддерживать её бурную деятельность. Она гремела кастрюлями, тарелками, бегала от холодильника к столу, нарезала, варила, выкладывала – и всё это так легко, грациозно, напевая себе под нос любимые песни...

Игорь залюбовался её светившимся от счастья лицом и вспомнил, как давно они не выбирались на природу, не ходили в кино или просто не встречали закат, взявшись за руки. Когда учились в институте, всё было, а потом жизнь закрутила, словно волчок – невозможно замедлить ход без страха остановиться.

– Я очень сильно тебя люблю, – прошептал он, обнимая жену.

Она от неожиданности вздрогнула, удивлённо заглянула ему в глаза, а потом прижалась к груди и тихо отозвалась:

– Я тоже.

В эту секунду всё в их семье было хорошо.

– Знаешь, я хочу, чтобы время остановилось, – сказала она. – Боюсь, что-нибудь случится, и...

– Тише. – Игорь успокаивающе погладил её по спине. – Самое худшее позади. Теперь Артём дома.

– Ты заметил, он стал таким спокойным и послушным.

Он прекрасно понимал, о чём она. После операции сын изменился... Игорь догадывался о причине, но упорно отгонял подобные мысли, загораживаясь от правды.

– Иногда мне кажется, что Артёмка стал чужим, – сказала она и тут же устыдилась, торопливо добавив: – Прости, от эмоций всякие глупости говорю.

Игорь вздрогнул: жена озвучила то, что он отказывался принимать. Их сын в беде и нуждается в помощи. Он должен что-то сделать.

– Прости, мне надо отлучиться. Я быстро! Не волнуйся, – торопливо пробормотал он и, выбежав из кухни, накинул куртку и скрылся за дверью.

Она растерянно замерла, недоумённо пожала плечами и вернулась к прерванному занятию.

– Артёмка, мой руки и к столу! – крикнула мама, когда всё было готово.

Сын тут же вышел из комнаты и направился в ванную. Там старательно намылил руки и долго полоскал.

– Солнышко, что-то ты долго возишься? Неужели умывался? – шутливо спросила она, зная, что сын терпеть не может водные процедуры.

– Ох, – расстроено выдохнул он, – Я забыл умыться. – И развернувшись, вновь отправился в ванную.

Мать удивлённо посмотрела ему вслед и нахмурилась, но, мысленно поговорив с собой, успокоилась и опять счастливо улыбнулась.

Через несколько минут Артём вернулся и, изучающе оглядев кухню, спросил:

– Где папа?

– Сейчас придёт. Он уже звонил, что на подходе. Кстати, он обещал сюрприз. – Мама хитро подмигнула.

– Да? – заинтересовано спросил он. – А что?

– Если скажу, это не будет сюрприз, – рассмеялась она.

Мальчик согласно кивнул и стал с аппетитом есть любимый салат «Оливье».

Хлопнула входная дверь, и раздался радостный голос отца:

– Я пришёл! Кто первый меня встретит, тот и получит подарок!

– Бежим! – ответила мама и поспешила в коридор.

Артём немного помешкал, решая, доест ли салат или выйти к папе. Победило любопытство, и он выбежал из кухни.

Отец неторопливо снимал ботинки, придерживая полы куртки руками. Там что-то шевелилось.

– Что это? – изумился Артём.

– Твоя мечта! – торжественно провозгласил отец и, осторожно раскрыв молнию, присел на корточки.

В квартиру выпал щенок. Маленький, гладкий, со смешными кривыми лапами и чёрными глазами-бусинками, рассматривавшими новых хозяев.

– Ав! – гавкнул он и посеменил к людям, всю махая хвостом.

– Собака, – удивлённо выдохнул ребёнок.

– Да! – гордо ответил отец. – Такса.

Мама ничего не сказала, просто смотрела на нового члена семьи и размышляла, чем это приобретение грозит для их семейного уюта и бюджета.

– Здорово, – сказал Артём, но не подошёл к щенку, который обнюхивал ноги мамы и пробовал на вкус её розовые тапки.

Отец внимательно посмотрел на сына и еле слышно сказал:

– Неужели ты не рад?!

– Рад! Собака – это классно, – ответил Артём без особого энтузиазма.

– Но ты же её хотел! – обвиняюще сказал отец.

– Да? – Он наморщил лоб, стараясь вспомнить. – Наверное, раньше хотел, но сейчас понимаю: это нелогично. Вы же сами говорили, сколько будет проблем, – рассудительно объяснил ребёнок, затем резко перескочил на другую тему: – Пойдёмте лучше салат есть!

Родители обменялись напряжёнными, полными страха взглядами. Отец застыл, словно парализованный. Теперь он не знал, как противостоять чужой машинной логике и вернуть пусть непослушного, но родного сына. Если мечта не помогла, тогда что?

– Где вы? – позвал Артём, сидя за столом.

Мама очнулась от неприятных мыслей, привычно отмахнувшись от проблемы, и поспешила к сыну. Главное, он рядом, а остальное – неважно! Отец поплёлся следом, не переставая искать выход: «Чип дал ему полноценную жизнь, но в довесок незапланированное изменение психоматрицы. Артём стал таким правильным, совершенным... словно робот. Он просчитывал все плюсы и минусы, находя сильные и слабые стороны, отбрасывая чувства как мешающий фактор. Может, через пару лет для него будет куда правильнее избавиться от родителей, поместить их в дом престарелых и навещать по праздникам, исполняя сыновний долг... Что же делать? Хотя... слишком поздно. Я уже принял решение... Как всегда, за всех».

Под ногами путался щенок, восторженно лоя взгляд хозяина и по-сумасшедшему виляя хвостом, доказывая безграничную любовь и преданность.

– Знаешь, Артёмка погиб из-за моего глупого упрямства и мечты о тебе, – с болью прошептал он и, наклонившись, нежно погладил щенка.

Специалист нового мира

Алексей стоял на балконе и курил, размышляя о будущем. Картинка вырисовывалась паршивая! «Чёртов кризис!» – сплюнул он самую поганую мысль. – «Мог бы после института нормально устроиться на работу, получить от государства белый билет, как перспективный член общества, и жить спокойно на Земле, а теперь... Косить бесполезно: найдут, да и по родителям такой поступок хорошо ударит, они могут лишиться работы, что сейчас равносильно тюрьме. При хорошем раскладе их отправят на сельхозугодья какой-нибудь благодатной планеты, при худшем – на рудники, следить за техникой... В общем, выбора нет! Иду завтра в военкомат».

Принятое решение облегчения не принесло, но Лёха старался не унывать и найти положительные стороны. Например, армия – шанс побывать на разных планетах, приключения, в конце концов, полное иждивение. «Буду жрать за четверых, – мстительно подумал он, когда услышал сигнал домофона. – Эх, осталось всё рассказать Ольге».

– Привет, – промурлыкала Ольга, переступая порог квартиры и одаривая его лёгким поцелуем. – Что такой кислый?

– Привет. Да так... Хандра.

Говорить о неприятностях не хотелось, пусть ещё пару дней продлится любовь. После того, как она узнает об армейке, спокойствия не будет, только скандалы, слёзы, упрёки...

– Как прошло собеседование? – поинтересовалась она, проходя в комнату и игнорируя его приставания.

– Ещё не знаю. Потом сообщат, – сухо ответил Лёха и убрал руки с её талии. Желание предаваться удовольствиям пропало.

На самом деле сволочной комп отдела занятости отказал ему через пять минут: «Ваш уровень знаний и умений в условиях экономического кризиса не удовлетворяет нашим потребностям. Извините!».

– Куда сейчас пойдёшь?

– Есть кое-какие идеи, – туманно ответил Алексей, успокаивая себя тем, что полуправда – не ложь.

Впрочем, ответ её не особенно интересовал. Ольга уже удобно устроилась на диване и листала принесённый с собой женский журнал. «Зачем она приходит? Неужели дома не читается, – подумал он с лёгким раздражением. – Настроение паршивое. Может, махнуть к пацанам? Попить пива, поговорить, пожаловаться на жизнь, вдруг чего дельного скажут».

– Оль, я к Антону обещал зайти.

Она вскинула накрашенные ресницы и рассерженно посмотрела на него.

– А как же я? Между прочим, полгорода ради тебя тащилась!

«Ага, а сейчас сидишь и читаешь журнал. Не сходится как-то... Впрочем, доля правды в её словах есть, и мне стыдно, но к друзьям тоже хочется... Тем более, зачем убегать от неизбежного? Нам всё равно не быть вместе, сомневаюсь, что Ольга будет верной девушкой, ждущей меня», – Лёха вздохнул и осторожно начал:

– Оль, прости, но...

– Как всегда! Только о себе и думаешь, – сказала она, резко вставая с дивана.

– Оль!

– Ничего не хочу слышать, – категорично заявила она, надевая туфли. – Я ради тебя всё делаю, а ты ничего!

Она повторяла эти слова на протяжении всех их отношений. Лёха прекрасно усвоил намекаемую истину, что она лучше него. Оля – красивая девушка из обеспеченной семьи, закончила школу с высшим баллом, затем престижный университет, а он с трудом одолел

лесотехническую академию, да ещё постоянно умудрялся влипать в какие-нибудь сомнительные истории. «Но я люблю её, стараюсь стать лучше, потому что хочу быть рядом», – подумал Лёха, пытаясь обнять девушку, но она отпрянула и выскочила за дверь.

– Мне жаль, – тихо прошептал он вслед.

«Наверное, хорошо, что так вышло, следовало держаться от неё подальше, чтобы не было потом так тяжело... Ольга – яркая девушка, долго без парня не останется, незачем друг друга мучить. Лучше разом разорвать отношения. Пусть она обижается, злится, считает эгоистом, но не обманывает себя и меня вечной любовью. Бред всё это! В нашем мире каждый за себя, а иначе никак – ни работы, ни дома, ни семьи. Видел я этих декабристок – за мужем хоть в самую жопу галактики, а потом драпали от такой любви – только пятки сверкали», – хмуро подумал Лёха, вспоминая тётушку, которая ради своего Альберта улетела на рудники Мервы, но вернулась через три года, разом поумневшая, и, воспользовавшись услугами брачного агентства, удачно вышла замуж.

* * *

В военкомат Алексей пришёл через полгода бесплотных попыток устроиться на работу и окончательно поссорившись с Ольгой.

Там ему обрадовались и надавали кучу направлений на медицинские обследования. Он механически стоял в очередях, отвечал на вопросы врачей, показывал разные части тела, проходил психологические тесты, но сам был далеко отсюда:

«Странно всё. Почему этот долбаный кризис случился именно сейчас? Почему я не попытался устроиться на работу ещё в институте? Зачем столько тестов? Ребята говорили, что будут только осмотры, а меня завалили всякой психологической фигнёй. Зачем томография мозга? Куда, блин, они хотят меня отправить?»

На смену беспокойным вопросам пришли воспоминания о поездке к морю:

«Боже, как всё изменилось с тех пор! Мы с Олькой были такими беззаботными, счастливыми, влюблёнными... Живыми... Помню, стояли на пляже, одни под огромной луной, и смотрели друг на друга. В её глазах плескались любовь и счастье. Куда это делось? Как я мог не заметить главного? Теперь поздно. Ничего не вернуть. Наверное, так надо, чувства – архетипы, устаревшие потребности. Они мешают стать... – Он запнулся о свою мысль. – Кем? Успешным человеком? Хорошим специалистом? Гением?».

– Эй, ты будешь заходить? – гнусаво спросил парень, сидящий рядом.

Лёха удивлённо посмотрел на него, забыв, где он и что делает.

– Твоя очередь.

Он благодарно кивнул и зашёл в кабинет терапевта, который в листочке обхода значился последним. «Час истины», – усмехнулся Лёха, не испытывая ничего, кроме усталости.

За столом сидел сухонький старик и что-то строчил.

– Можно?

Врач быстро мазнул по нему взглядом и ответил:

– Садитесь. Давайте карту.

Алексей протянул диск с результатами хождений по кабинетам. Доктор вставил его в компьютер и углубился в изучение:

– Так... Ага... Даже так?! Интересно... Так...

Его бормотание немного нервировало, но Лёха продолжал спокойно сидеть на стуле и молчать. Последние полгода научили терпимости, воспитали в нём фаталиста.

«Достало ожидание! Поскорей бы узнать и смириться», – подумал он, тупо разглядывая мраморный бюст нынешнего главного секретаря Империи, стоящий на столе.

– Так... – в который раз произнёс врач и внимательно посмотрел на парня.

Лёха поёжился. Неприятно, когда тебя разглядывают, словно подопытную свинку.

– Я вам сейчас дам информацию, с которой надо ознакомиться в течение нескольких дней, – деловито произнёс врач. – После примете решение, какой вид службы для вас предпочтительней.

– А она что, разная? – удивлённо вырвалось у Лёхи.

Друзья рассказывали об одном и том же: увозили на другие планеты, заставляли обустроить чужой быт. Хотя двум посчастливилось попасть на станции слежения, но это исключение. Обычно неподготовленным людям в хорошие области имперской армии не попасть. Там служили спецы.

– Сейчас появилась альтернатива, – загадочно ответил доктор. – Между прочим, оплачивается намного выше.

«Может, всё и удачно сложится, – подумал Лёха, вздохнув. – Отдал бы сыновний долг в денежном эквиваленте. Им сейчас очень нужно».

– Что мне придётся делать? – спросил Алексей, когда понял, что доктор не спешит объяснять детали новой службы Отечеству. – Надеюсь, на мне не будут проводить испытания? – мрачно пошутил он.

Последнее было строго запрещено действующей конституцией, но говорили, что в колониях царят свои законы.

Доктор закашлялся, а потом, осторожно подбирая слова, ответил:

– Вам предлагают интересные перспективы, обучение и хорошее жалование в обмен на долгу... работу.

«Не нравится мне его словесная дымка», – подумал Лёха и в лоб спросил:

– Сколько?

– Десять тысяч анов в месяц, а также полная медицинская страховка для вас и ещё двух членов семьи.

Щедрость Империи впечатляла и настораживала. Подвох точно был... причём немалый.

– Меня интересовало не совсем это... Сколько лет будет длиться служба?

Доктор пристально взглянул на него и холодно ответил:

– Современному миру нужны настоящие специалисты своего дела, а не временные кадры, ваше... обучение подразумевает пожизненный контракт. Вы будете обеспечены...

В его душу заполз холод, сковывающий мысли и чувства. Алексей слышал дальнейшие слова врача словно через плохие беруши. «Навсегда», – билось в голове, и страх неправильного выбора приводил его естество к болезненным спазмам.

– Мне надо подумать, – еле слышно выдавил он, вставая со стула и направляясь к двери.

– Ваше право, но знайте: не каждому выпадает такой шанс. У вас очень интересные психофизические данные и высокий болевой порог – это важно для подготовки... Мир меняется, – доктор вздохнул. – Скоро грядёт общественный кризис и волна безработицы. Не мне вам объяснять, что это значит.

«Рабство или голодная смерть? – горько усмехнулся Лёха. – Ничего не скажешь, прекрасный выбор».

* * *

Огромный ангар. Сверху лепили волны галогенового света. Алексей стоял в очереди под номером пятьдесят три и никуда не спешил, зная, что впереди целая вечность. В голове не осталось ни тени сомнений, с каждой промелькнувшей секундой крепла уверенность в правильности принятого решения, только назойливым буравом сверлила мысль: «Что будет

после?». Сотни таких, как он, несостоявшихся граждан Земли, уже оставили своё эхо в ночном небе, как разбитое стекло, в осколках которого все несчастливы и одиноки...

Лёха не заметил, как настало его время. Он неторопливо подошёл к одному из огромных кресел, неколебимо стоящих на монолитных железных ногах, равнодушно посмотрел на крепкого парня в халате и, сняв рубашку, сел.

Сверху спустился манипулятор прибора, и маленькая красная точка лазера подползла поближе, уставившись в лицо. Кресло выплонуло держатели. Они хищно сжали тело, и, казалось, наслаждались властью. Боль, тугая и ноющая, выворачивала наизнанку, но Лёха был готов. Спасибо тренингу и Ольге...

Он рассказал ей, глупо надеясь, что она скажет: «Не надо участвовать в этом страшном эксперименте. Мы что-нибудь придумаем, уедем вместе на далёкую планету и построим своё счастье». Этого не случилось. Она повела себя предсказуемо, сказав, что между ними всё кончено. Зачем ради него перечёркивать нормальное будущее, ведь есть работа и перспективы? Но последней каплей послужила болезнь мамы.

Боль стала чуть острее и мучительней, но ни один мускул не дёрнулся на его лице. Оно окаменело. Алексей ждал самого главного: «Всё пройдёт очень быстро, я стану специалистом, родители получают компенсацию, которая им так необходима, мама поправится, они купят собственный дом... А у меня впереди новая жизнь».

Он чувствовал, как в голову впивается светящаяся лента кодов. Вокруг были другие кресла, и люди, подобные ему, впитывали информацию. Вот один не выдержал, ещё один, ещё... Из глаз потекли ручейки крови, но Алексей держался, медленно шевеля губами: «Терпи. Это твой долг. Они будут гордиться». Голова разрывалась от боли, больше ничего не лезло, а загрузка завершена лишь на семьдесят процентов. Он упрямо продолжал терпеть. Ради себя, ради них... Люди гибли в страшных муках, а он держался. Хотя, видит всевышний, давалось ему это непросто. Он изменялся, вплетаемые нити чужих холодных знаний трансформировали его мир.

Боль немного отступила, мышцы онемели, перестали ощущать время и пространство. Всё кружилось перед глазами, яркие вспышки света. Реальность или мираж одурманенного от нагрузки сознания? В голове вспыхнула цифра восемьдесят. Осталось немного. Неожиданно он услышал крик, видимо кто-то смог избавиться от кляпа. Забавно. Алексей почувствовал, что губы пытаются растянуться в усмешку. Наверное, так сходят с ума. Девяносто пять процентов. Безумно хотелось вырваться...

* * *

Алексей шёл по многолюдной площади перед космопортом. Кажется, он увидел Ольгу среди провожающих. Ничего не дёрнулось в груди, хотя они были вместе около трёх лет. Наверное, надо что-то сказать... Он пытался отыскать призрачное воспоминание, но оно ускользнуло, так и не успев оформиться.

Ольга долго смотрела на Алексея, но, поймав ответный взгляд, быстро отвернулась.

«Сильно изменился», – отстранённо подумал он, заметив ужас, спрятавшийся в глубине её глаз, и продолжил путь.

Их около двадцати, тех, кто вынес направленное программирование, они мерно двигались к огромному межзвёздному кораблю. Впереди много работы, и они, как никто другой, справятся с ней. Для этого их мозги подчистили, убрали то, что не нужно и закачали под завязку полезной информацией. У каждого чип-связи и иммунная система, изменённая под определённую планету. Они – лучшие специалисты!

Лёха почувствовал, что проходит рядом с той, которая заставляла его сердце биться чаще. Они поравнялись, он ощутил запах её любимой туалетной воды и исходящее от неё напряжение.

Ольга не выдержала и что-то закричала, бросаясь на стену охранников. В глубине сознания он знал, что любил её, и больше никогда не увидит. Так же, как не увидит родителей. Они приезжали вчера на сборный пункт. Прощание выдалось тяжёлым и скомканным. Мать плакала, отец хлопал его по плечу и прижимал к себе. В тот момент Алексей был рад, что ничего не чувствует...

Их колонна прошла площадь и зашла в здание космопорта. Для них выделили отдельную линию. Короткая череда формальностей, напутственная речь какой-то военной шишки, и их ведут к кораблю. Алексей бросает последний взгляд под сенью родных звёзд. Позади двадцать три года жизни. О них напоминали скудные факты, сохранённые в памяти во избежание распада личности. «Смешно и грустно, – мысленно отмечает Алексей. Он ничего не чувствует, но автоматически определяет щемящее чувство в груди, как грусть. – Нелогично. Отбросить».

Он стоял на трапе, взгляд скользил по космодрому, по виднеющейся вдалеке кромке леса, по бескрайнему голубому небу с лёгкими перистыми облаками. Он охватывал, вбирал в себя то, что терял... В сердце ворвалась искра, он что-то вспоминал... Чувствовал... Он хотел побежать обратно, обнять самых близких людей: мать, отца, Ольгу, сказать, как сильно их любит... Но сзади толкнули, и он перешагнул порог. Короткое чувственное затмение прошло, но его губы, словно принадлежа другому, тихо прошептали: «Дорогие мои, знайте: даже в чужом мире я буду помнить вас и любить».

Взлёт. Сила притяжения вдавила в кресло, Алексей ощущал себя скорлупкой, над которой навис молоток. В руку впилась игла, затем опустился прозрачный купол. Вспышка света... и темнота.

* * *

Заседание глав развитых районов Империи, собранных в секретном бункере, проходило в штатном режиме. На повестке дня обсуждение постройки и работы сети сборных пунктов по технологиям, предоставленным пришельцами, говорящими на волне 789. Первые партии специалистов получены и отправлены на заданные точки. Процент успешности программирования 98, процент выживших – 6. Главы районов яро спорили о гуманности и оправданности данных действий, но на самом деле их волновало лишь, как предотвратить утечку информации, и будут ли довольны пришельцы, чьё предложение о предоставлении знаний больше напоминало ультиматум, и никто не желал знать, что случится в противном случае. Они чувствовали себя муравьями, с которыми вдруг заговорил человек...

* * *

Алексей сидел на дежурстве, слушал радио и анализировал выводимую на мониторы информацию с зондов. Он – шериф планеты № 148 из четвёртой галактики, заступил на пост тысяча триста два часа назад, кроме него здесь восемь специалистов: биотехник, агроном, инженер-ремонтник, геолог-разведчик, бурильщик, логист и два охранника. Алексей сканировал эфир. В ближайшем космическом пространстве произошло одно вооружённое нападение на грузовой корабль расы тильранов или, как их называли на Земле, 789. С этим надо разобраться в первую очередь, выпустить в разведку корабль-искатель, а также улучшить огневую защиту маяков. Он хорошо знал свою работу, грузы хозяев больше не пострадают.

За куполом царил постоянный серый дождь и сильный ветер. Растений и животных почти нет. Планета № 148 – перевалочный пункт, где корабли тильранов могут подзарядиться рудой, запастись едой и немного отдохнуть. В комплексе имелись замечательные капсулы отдыха с виртуальной реальностью, предназначенные для хозяев. Алексей знал важность вверенной ему территории и всегда был готов к работе. Наблюдал, анализировал, давал указания, вновь собирал информацию... Иногда видел сны. Станные, несуразные в своей нелогичности. Например, почему он бегал по гальке босиком и орал во все горло: «Я тебя люблю!»? Зачем столь нерациональное использование времени? Или, принимая гигиеническую процедуру, почему-то пел? Надо обязательно сообщить об этой неисправности начальству. Они разберутся и всё наладят. Ведь он – специалист нового мира, идеальный работник... и верный слуга.

Семья

Звонок Артура был, как всегда, некстати. Неужели этот ленивый идиот не может съездить один? Права была мама, когда говорила: мы можем делать всё, что делают мужчины, но избавиться от них полностью не в нашей власти.

Я попыталась унять рвущееся наружу раздражение, и сделала круг по лаборатории. Всюду царил порядок и исключительная белизна. Я не терпела бессистемность и иррациональность, будь то невымытые колбы, стоящий не на месте стул, или капля реактива, соскользнувшая на пол. Сегодня всё было идеально, по крайней мере, до звонка... Хватит демагогии! Учёный должен быть абсолютно спокоен и сконцентрирован на успех. Синтез прерывать нельзя, поэтому выбора нет.

* * *

– Почему так долго? Я уже два раза просил перенести встречу, – плаксиво запричитал Артур, заведя меня. – Нехорошо заставлять ждать.

Отвечать не хотелось, я лишь кивнула, подтверждая: он замечен и услышан. Многие коллеги-химики мне завидовали. Муж – красавец, высокий, хорошо сложенный блондин с выразительными голубыми глазами, в которых плещется жизнелюбие и пытливое любопытство. Конечно, я не хочу сказать, что он чем-то занимается. Упаси боже! Если мужиков допустить до важных занятий, они весь мир взорвут.

Я усмехнулась промелькнувшим мыслям и строго взглянула на мужа:

– Артур, сколько раз я просила не звонить мне на работу?

– Прости, просто подумал, ты должна здесь быть, – виновато пробормотал он и, уткнувшись взглядом в пол, тихо добавил: – Это ведь наш ребёнок!

Я удивлённо вскинула голову. Неужели мне послышались нотки осуждения? Лицо Артура оставалось спокойным и смиренным. Всё, как и положено, но в душе нарастала непонятная тревога. Видимо, именно поэтому я решила объясниться:

– Мы бы с ней увиделись дома.

– Да, конечно. Прости. – Его глаза излучали раскаяние и молили о прощении.

Они у него были такие ясные и трогательные, что внутри что-то защемило... Наверное, у девочки будут его глаза. Моя дочка! Даже не верится. Раньше, когда технологии отставали в развитии, женщины сами вынашивали ребёнка, медленно привыкая к осознанию данного факта, возвращали свою любовь ещё в утробе. Теперь материнский инстинкт должен просыпаться строго по конституции о семье. Раз там сказано: в тридцать лет сдать необходимые биологические материалы для воспроизведения нового члена общества, то послушаться нельзя.

Хочу ли я ребёнка? Смогу ли стать достойной матерью? Я постаралась представить это в ярких картинах. Вот тут белокурый розовощёкий ангелочек прижимается ко мне и шепчет: «мама», здесь она бежит и встречает с работы, на следующем кадре она уже взрослая, получает красный диплом, потом мы с ней едем путешествовать. Она любит меня и никогда не бросит...

Сердце запрыгало в груди и с удвоенной силой погнало кровь по сосудам. Я почувствовала, что щёки запылали, а в глазах зацепало.

– Ты плачешь?! – громко воскликнул Артур.

Лирический настрой как рукой сняло.

– Тише, – угрожающе прошипела я и обеспокоенно огляделась по сторонам. Никого, лишь несколько представителей мужского пола ждали своих детей, стоя у стойки регистратора. – Никогда. Слышишь. Никогда не поднимай голос.

– Но ты плакала, – еле слышно отозвался он.

– А мне положено! Женщине разрешается плакать перед появлением ребёнка, – твёрдо ответила я и, развернувшись, последовала в зал встречи.

«Больше нельзя допускать прилюдного проскальзывания чувств. Это недостойно женщины, принадлежащей к первой ступени», – решила я, пытаюсь сосредоточиться на чём-то полезном, но на ум, как назло, ничего не приходило кроме вопроса: «Сколько ей лет?». Так, мы сдали яйцеклетку и сперматозоиды в центр оплодотворения четыре года назад. Значит, ей должно быть три года. Хороший возраст. Самый раз. Уже и проблем почти нет. Блин, только вот директор центра говорила о том, что надо детей забирать до полутора лет... Ну, думаю, она простила. Всё-таки в одном институте учились. Сама понимает, как работа увлекает, второстепенное просто вылетает из головы... Хотя немного стыдно.

– Артур, а почему мы не забрали её раньше?

– Кого? – переспросил он.

– Малышку, – недовольно разъяснила я. Неужели нельзя внимательно слушать, а не витать в облаках?

– Когда позвонили из центра, у тебя был важный этап в исследованиях, ты просила не беспокоить. Я не стал тревожить тебя и сам рассказал им ситуацию. Они пошли тебе навстречу как важной гражданке империи.

Против воли губы растянулись в улыбку. Упоминание заслуг и похвала всегда приятны.

Мы шли по коридору, Артур чуть отстал, я слышала его мягкие шаги и чувствовала странную радость. Мне определённо с ним повезло. Он тихий и добрый мужчина, грациозный в каждом движении и не надоедливый в своих чувствах. Не зря из всех претендентов, представленных в лагере, я выбрала его. Что-то особенное было в нём и в чудесных глазах цвета неба.

* * *

Было раннее промозглое утро сентября. Автобус мчался по асфальтовой дороге, увозя всё дальше от родного мегаполиса. Я сидела у окна и смотрела на серые унылые поля, отдавшие урожай и готовящиеся ко сну, на кромку зелёного леса, сливающуюся с ещё не проснувшимся горизонтом. Мне было волнительно и немного страшно. Семья – серьёзный выбор. Многие ошибались, страдали, мучились, а потом отвозили мужей обратно и брали новых... «Со мной такого не случится!» – твёрдо решила я и занялась составлением списка необходимых качеств избранника.

– Приехали, – раздался командный голос грузной водительши. – На выход. Помните, отправление через три часа. Кто не успеет, пешком пилит до города, – ехидно закончила она и довольно хохотнула, представив картину, как одна из нас тащится пятьдесят километров.

Сегодня на смотрины приехали двенадцать самых разных девушек – блондинок и брюнеток, скромных и общительных, стройных и полненьких, высоких и маленьких, но нас объединяло одно: мы были дипломированными специалистами и вчера отгуляли выпускной. «Эх, здорово! Теперь мы совсем взрослые и самостоятельные. Впереди открытия и победы, а нашу память увековечат в каком-нибудь учебнике». – Я улыбнулась своим клеопатровским планам и уверенно вышла из автобуса.

– Здравствуйте, я – Нина Юлиановна, директриса лагеря. Рада вас приветствовать! Надеюсь, вы останетесь довольны нашими воспитанниками, – торжественно поприветствовала нас высокая седовласая женщина с горделивой осанкой.

Около неё стояли пять человек в форме конвоиров с равнодушным и скучающим выражением лиц. Их не хотелось причислять ни к женщинам, ни к мужчинам. Внушительная комплекция формировалась благодаря гормонам, а женские половые отличия достались от природы. «Фу, у одной даже усы прорезаются!», – брезгливо подумала я, разглядывая последнюю. Ни за какие коврижки не хотела бы походить на мужчин, но есть специально-сти, которые обязывают использовать их физические конфигурации.

– Пойдёмте за мной. По пути расскажу о нашем заведении.

Мы прошли на территорию через кованые железные ворота и очутились в огромном пространстве зелёных насаждений, окружающих два пятиэтажных кирпичных корпуса. Раньше я представляла воспитательные лагеря чем-то вроде тюрьмы: серые невзрачные дома, огороженные тремя рядами колючей проволоки и небольшой канавой с чёрной пугающей водой. Возможно, во времена становления режима радикального феминизма так и было.

– Как вы, наверное, знаете, мы занимаемся воспитанием молодых людей, поступивших к нам от женщин низшего звена и, изредка, от эксцентричных дам высшего ранга, попытавшихся вырастить их самостоятельно. Создание современного мужчины – сложное и трудоёмкое занятие, с которым мы справляемся блестяще! В чём вы скоро убедитесь сами. Наши воспитанники не разочаруют вас и станут прекрасными мужьями. Они обладают всеми необходимыми качествами. Во-первых – уравновешенность, во-вторых – непримиримость к проявлению насилия, в-третьих – умение быть полезным. Они прекрасно готовят, убирают, разбираются в бытовой технике. Интересные собеседники. Некоторые из них имеют вполне хорошее чувство юмора и артистические способности.

– А в плане секса? – поинтересовалась рослая девушка с копной рыжих волос.

– У них есть необходимый теоретический курс, – сдержанно ответила Нина Юлиановна.

– Так это не одно и то же.

– Знаете, никаких жалоб и нареканий не поступало.

Больше никто вопросов не задавал, и дама продолжила экскурс в историю лагеря и развитие воспитанников. Я слушала вполуха. Внутри неприятно жгло чувство неправильности происходящего. Вроде всё хорошо, как у зверей в зоопарке, но на деле – тоскливо. Хорошо, что я родилась девочкой! С другой стороны, глупо их жалеть: были времена, когда существовали отдельные страны, мужчины стояли у власти, имели свободу и равенство, в некоторых источниках даже писали об угнетении прав женщин, и что? Разразилась третья мировая война, единичные государства применили биологическое оружие, ориентированное на атаку «Y-хромосом»... Тогда, триста лет назад, первый раз победили радикальные феминистки, а вскоре мир стал единой империей. Это стало спасением для всех, для мужчин в первую очередь.

– Девушка, вас как зовут? – обратилась ко мне директриса.

Я вздрогнула, отвлекаясь от мыслей, и представилась:

– Ирина.

– Хорошо, Ирина. Сейчас вы первая пойдёте в актовый зал и выберете мужа.

Я растерялась от неожиданности и спросила:

– А почему я?

Нина Юлиановна снисходительно взглянула на меня аккуратно подведёнными глазами и объяснила:

– Вы закончили с красным дипломом. Поэтому привилегия первой принадлежит вам.

Я кивнула и приосанилась. При любых обстоятельствах надо уметь держать марку, а лучше было бы не задавать вопросов, а досконально изучить положение о выборе супруга.

Молодые люди в парадных костюмах собрались в актовом зале и выстроились в шеренгу. Они были словно застывшие ухоженные статуи, ожидающие свою судьбу. Вежливые, чуть подобострастные выражения лиц пугали меня больше, чем этот необходимый дурацкий выбор. Зачем в современном обществе никчёмный придаток в виде семьи? В памяти услужливо всплыли выдержки из курса психологии: «наличие прочной ячейки общества гарантирует гармоничное развитие женской личности... Отсутствие оков брака порождает распушенность и злоупотребление гражданским долгом». Ладно, надо так надо.

– Если вы не можете определиться, следует устроить какой-нибудь конкурс или испытание, – предложила седовласая дама, наблюдая за мной.

От подобной перспективы по спине пробежали мурашки. Не люблю показуху и реалити-шоу, от которых пестрит экран визора. Я смогу и так определить, почувствовать что-то... Видимо, мама права, говоря о гене романтики.

Я шла и деловито присматривалась: «Кого бы из этих вышколенных роботов взять?» – до тех пор, пока мои глаза не столкнулись с самыми лучистыми глазами на свете.

– Привет, – тихо сказала я.

– Привет, – осторожно ответил он и, чуть порозовев, улыбнулся.

– Как тебя зовут?

– Артур, – так же тихо ответил он.

– Сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

Мне надоело играть в вопрос-ответ. «Он такой же, как остальные», – с тоской резюмировала я и немного резко продолжила:

– А ты ничего не хочешь узнать?

– Ты можешь забрать меня отсюда? – честно спросил он.

Я улыбнулась, оценив его непосредственность и прямолинейность. Эти качества мне импонировали.

– Могу.

Его лицо преобразилось свалившимся счастьем. Он засиял, заискрился, словно новенькая стеклянная колба на солнце... И мне захотелось подарить Артуру новую жизнь.

* * *

Трёхлетний мальчик дрожал от волнения и беспокойно метался в одной из ячеек гигантского купола. Удивительный, долгожданный день. За ним приедут. Семья. Он тихо, трепетно бормотал непривычные, но такие родные и добрые слова: «мама, папа». Он часто мечтал об этом, слушая сказки и истории робота-няни, его единственного друга. Конечно, она была не очень поворотлива и не могла играть в мячик или пятнашки, но зато столько всего знала. С другими детьми он почти не встречался. Раньше да, но теперь одногодок не было, а общение с непонятно лепечущими созданиями не получалось.

Малыш старался аккуратно упаковать два своих костюма: светло-голубой и белый, поверх положил пушистого плюшевого кота, подаренного доброй женщиной из лаборатории развития. Там много взрослых. Одетые в белоснежные халаты, они казались ангелами, спустившимися на землю, но и здесь не знающими покоя. Они вечно спешили, растворяясь в лабиринтах коридоров. Иногда он ускользал от няни и осторожно следовал за ними. На секунду удавалось увидеть маленького человечка в капсуле, заботливо укутанного прозрачными трубками.

Всё было так, как рассказывала няня. За ним пришла красивая тётя в блестящей облегающей одежде и повела по многочисленным извилистым коридорам в зал ожидания.

Серые ковровые дорожки, тусклый свет неоновых ламп и одинокие прорези маленьких окон. Неожиданно промелькнула любопытная детская мордочка. Он чувствовал на себе взгляд, полный зависти и бесконечного ожидания. Надежда, вера и обида. Всё это в прошлом. Теперь впереди собственный дом, комната, обустроенная специально для него, огромное количество игрушек и книжек. На ночь обязательно будут рассказывать сказки или петь колыбельную. Малыш знал, что скрипучий голос робота не может сравниться с переливчатой, убаюкивающей мелодией любви и нежности матери, мурлыкающей своему чаду.

Ещё один поворот и перед ним предстала ярко освещённая комната с потолком, спрятавшимся где-то в вышине. Повсюду красочные плакаты, иллюстрирующие радостное воссоединение. Счастливые улыбки детей, крепко вцепившихся в руку обрётённой мамы. Его сердце забилося с удвоенной силой. Фейерверк эмоций и картинок. Голова у малыша пустилась в пляс от переливающегося через край восторга. Ему хотелось взвизгнуть и побежать озорным галопом навстречу будущему, разнося по кругу победное ура.

* * *

– Что это? – еле вымолвила я внезапно пересохшими губами.

– Это наш мальчик! – гордо заявил Артур и, кажется, стал выше на несколько сантиметров.

– Что это, я спрашиваю? – гневно повторила я, глядя на приближающуюся к нам сотрудницу центра с ребёнком.

– Ну... Я решил, что ты не сильно рассердишься. Я написал за тебя пожелания о поле ребёнка и его воспитании... Знаешь, я даже твою подпись точь-в-точь воспроизвёл! Ему сейчас три года... Прости, но ты была занята, поэтому он так долго был здесь. – Он говорил быстро и сбивчиво, понимая, что дальнейшего шанса выговориться может и не представиться.

Во мне клокотал гнев на себя и на него. «Как такое могло произойти? Что я буду делать с этим ребёнком? Это же мальчик!» – лихорадочно проносились мысли и обрывки чувств, затормаживая восприятия времени.

Провожатая вежливо кивнула мне и ушла, оставив малыша. Он стоял всего в метре от нас, хлопал широко распахнутыми голубыми глазками и робко улыбался. Артур вернул ему улыбку, полную тепла. Я же ничего не могла поделать, просто смотрела на него, не в силах растянуть губы в улыбку.

– Мама? – тоненький нежный голосок переполняли надежда и страх.

Я чувствовала его любовь и стремление быть нашим. Душа стукалась о рёбра, пытаясь дотянуться до ребёнка. Но я опять ничего не могла, тело одеревенело и не слушалось, одурманенное происходящим. За что? Как он мог послушаться? Я не смогу сдать своего мальчика в лагерь! Но, если оставлю, то потеряю уважение, дальнейший карьерный рост, да и его обреку жить изгоем... Я не могу! Голова кружилась и наливалась тяжестью, я смотрела и ничего не видела.

Не думала, что на меня может свалиться ещё что-то более страшное и ошеломляющее, чем сын. Оказалось, судьба способна на сюрпризы.

– Ирина, не молчи, – тихо сказал Артур. – Ты можешь перевестись в другой город. Например, в Новосибирск. Там в области есть посёлок-резерват, где все живут по старинке и равны между собой.

– Что? – прохрипела я, обезумев. – Ты ещё и в изменники решил заделаться?

– Не выражайся, – поморщился он. – Интернет не запрещён, как и знания... Тем более ты всё утрируешь.

Правая рука зачесалась, хотелось размахнуться и дать пощёчину. Нельзя. Хотя, он мою жизнь пустил под откос. Стоит ли теперь думать о благоразумии и поведении, достойном гражданки первого уровня?

– Да я тебя завтра же сдам обратно, – прошипела я.

– Не примут, – спокойно отозвался Артур, глядя в глаза. – Возврат возможен в течение первых двух лет, а мы с тобой женаты уже девять.

– Отлично, тогда в дом отчуждения. Будешь там век доживать, овощи выращивать и философствовать.

– Мама? – со страхом позвал малыш. Первые слезинки, не торопясь, скатились по крохотным щёчкам, оставляя мокрые дорожки. – Вы из-за меня ссоритесь? Я вам не нужен?

Я видела, что его глаза мутнеют, а плечики подрагивают от болезненной дрожи неприятного открытия. Ещё минута – и он не выдержит, сорвётся с места и убежит... А я останусь. Наедине с собой и Артуром, прятая глубоко внутри свои надежды и мечты, притворяющимся, что всё хорошо, но часто смотрящим сквозь мои глаза. Захотел бы он быть рядом, если имел выбор? А этот ребёнок хочет.

– Конечно, нужен, что ты такое говоришь, – улыбнулась я ребёнку и протянула руку. – Тебе уже дали имя?

Малыш изумлённо округлил глаза:

– Нет, такое сложное дело только мама и папа могут сделать.

В мыслях застыла растерянность: «Как его назвать? В честь мужа? Ещё чего! Тогда как дедушку. Бабушка писала, что он замечательный... Наверное, поэтому она всё бросила и уехала жить вместе с ним в горы. Тогда господствовали более строгие порядки среди правящих леди, о равенстве мужчин и слышать не хотели: если не согласен, твоя дорога или в колонию или в Тмутаракань. Несмотря на уважаемую должность и шикарный дом, бабушка выбрала верность своим новым взглядам. Странно, ведь раньше она сама имела ранг Леди и входила в партию «Матриархат»... Чего я удивляюсь? Сама хочу встать на те же грабли!».

– А как тебе имя Олег?

– Очень красивое и серьёзное, – восторженно выдохнул сын.

– Вот и договорились.

Одной проблемой меньше. Осталось написать рапорт, заявление на долгосрочный отпуск, объяснительную на работу и в партию... Да, мой спуск с карьерной лестницы обещает быть эффектным. Криво улыбнулась, представив удивлённые, чуть брезгливые взгляды коллег. Ладно, настоящая женщина сложностей не боится. Разберусь с воспитанием сына и наверстаю.

* * *

Оксана нервно барабанила пальцами по столу: «Вот же, помог Бог с сестрёнкой! Это надо такое учудить, да ещё и на пороге выборов моего проекта об инакомыслящих. И отказать в помощи нельзя. Сейчас за мной усиленно следят разные комитеты и журналисты, стоит проколоться хоть в малейшем недостатке гуманности или ущемлении прав, как тут же покатают бочку. Что делать? А что, если включить её семью в программу?». Её лицо озарила облегчённая улыбка, и она нажала селектор связи:

– Майя, включи новых кандидатов на полёт к «Эльзе».

– Конечно, Оксана Мартовна. Сколько человек?

– Трое. Глава семьи – Ирина Мартовна Штраль, тридцать четыре года, химик, первая ступень. Артур, двадцать семь лет. Их сын... – она на секунду замешкалась, вспоминая разговор с сестрой. – Олег, три года.

Секретарша если и удивилась, то никак не выразила, лишь деловито уточнила:

– Следуя статусу кандидатки, её стоит включить в первый класс и зачислить в исследовательский центр?

– Да.

«Надеюсь, Ирина не потеряла остатки разума, и поймёт мой поступок, – вздохнула Оксана, ощутив мимолётный укол совести. – Там будет хорошо. Новая планета, красивая природа, натуральные продукты, современные дома, люди... её взглядов. Она сможет воспитывать сына без оглядки на общество, там ведь все такие двинутые. Забыли, видимо, историю Земли. Да, если бы не победа радикальных феминисток, ничего бы не осталось. Мужики со своими замашками и войнами... Ненавижу! – Она глубоко вздохнула, выбрасывая негативную энергию. – Сестра ещё будет меня благодарить, если проект одобрят, она ничего не потеряет. Разве что связь с Землёй. Семье надо помогать, но, когда необходимо, стоит подумать и о себе».

Последний бунт

Белый пух плавно спускался с серого неба, пролетая мимо старых мрачно жёлтого цвета стен, хранящих тепло десятилетий и отвлечённые взгляды из маленьких окон. Безликие отчуждённые лица провожали глупое течение дня и вечно опаздывающих пешеходов. Всё двигалось и бежало, не останавливаясь ни на секунду. Хмурые люди шли по своим делам, теряясь в лабиринтах гигантского муравейника. Очень мало света. Тусклые скудные тона опутывали город, подобно смогу, отравляя всё вокруг... Так продолжалось очень долго, настолько долго, что все забыли о прошлой другой жизни.

* * *

– Сколько мне осталось? – прошептал Олег Николаевич, отходя от услышанного приговора.

Благополучный мир технологий и межгалактических полётов так и не сумел обрести бессмертие. Люди продолжали болеть, а фармацевтические компании – богатеть... Он немало пожил на свете, девяносто лет, половину из которых посвятил имперской армии, но обидно умирать, только выйдя на пенсию, да ещё и тогда, когда остальные живут по полтора века.

– Если бы вы обладали полной страховкой, мы бы могли провести ряд необходимых процедур.

«Считают, не заслужил, – горько подумал Олег Николаевич, – Сволочи! Нельзя бросать людей на произвол, мы готовились отдавать жизни, а вы...» – и, разозлившись, рявкнул:

– Сколько?

– Месяц, – обиженно отозвался врач.

Олег Николаевич кивнул, проглатывая комок в горле, и молча вышел из кабинета.

На улице моросил дождь, сглаживая очертания монолитных высоток и редких деревьев, посаженных в строгом порядке. Серая картина Всевышнего без единого яркого мазка.

– Куда вас подвезти? – спросила белая машина с чёрными шашечками на боку.

– Никуда, я пешком, – зачем-то ответил Олег Николаевич. Его вежливость распространилась даже на искусственный интеллект, который он, впрочем, недолюбливал.

Он решил идти к дому через парк. Всюду царил образцовый порядок и полная симметрия. Ничего не выбивалось из общей гармоничной картины.

«Противно, – неожиданно подумал он. – Неправильно. Раньше по-другому было... Мы воевали за свободу, традиции, веру, деньги, в конце концов... Наверное, мне просто скучно без работы, вот и грешу на закон. Без индивидуальности лучше».

Квартира встретила его одной из десяти стандартных мелодий, означавшей, что никто не звонил. Олег Николаевич знал это без всякой электроники: все близкие ушли в иной мир.

Он прошёл в гостиную и достал из тайника в полу старые фотоальбомы, спасённые бабушкой от уничтожения. Он листал страницу за страницей, разглядывал через фотографии былое время... В его голове затрепетала идея, сначала почти неощутимо, потом всё сильнее. Олег понял, что они потеряли и как это изменить: «Лишь бы хватило времени!».

* * *

Звонки сыпались, словно град на головы ни в чём неповинных бюстителей спокойствия. Егор Иванович усталым голосом в тридцатый раз заверял, что разберётся.

«Интересно, кто такой отчаянно наглый? – подумал Егор Иванович. – Хотя, возможно, и туфта. Любят эти законопослушные граждане утрировать... Эх, как невовремя! Прямо перед сдачей годового отчёта. И ладно бы какая-нибудь мелочь, а то нет ведь. Всплеск индивидуальности – дело нешуточное, взгреют по первое число! Скажут – не доглядел, и не видать тогда повышения, как своего затылка, и очередь пролетит».

Мужчина тяжело вздохнул, пропуская через себя давние мечты о заслуженном отпуске, отеле «Лазурное» на дне Средиземного моря.

– Чёрт! Осталось-то всего три месяца, четырнадцать дней и шесть часов.

Он ждал три года, терпеливо переминаясь в виртуальной очереди из нужных членов общества. «Лазурное» было его мечтой... Колыхание солнечных бликов в толще изумрудной воды, разнообразие рыб и цветовых оттенков, улыбки любознательных дельфинов, заглядывающих в окна. Абсолютная тишина и неспешное течение времени. Там можно быть самим собой, дурачиться, сотворить какую-нибудь глупость, и никто не заявит на тебя. На отдыхе разрешено всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.